

Андрей Левицкий
Сергей Коротков

[Я — СТАЛКЕР]
ЗОВ АРМАДЫ

Апокалипсис-СТ

Андрей Левицкий

Зов Армады

«Автор»

2015

Левицкий А. Ю.

Зов Армады / А. Ю. Левицкий — «Автор»,
2015 — (Апокалипсис-СТ)

Четвертый год после Судного дня – катаклизма, погубившего пять шестых жителей планеты. В Пади оставшиеся в живых люди гибнут под натиском воинствующих группировок, диких мутантов и смертельных аномалий. Из уст в уста ходит легенда о райском уголке, где нет крови, врагов, болезней и голода, найти который способен лишь тот, кого озарит знамение, кто чист душой и силен духом. Кто-то свыше тщательно оберегает древнюю внеземную тайну, спрятанную на опустошенной Земле. Путь к Вратам неизвестен, к тому же далек и опасен. Врата находятся под защитой огромной аномалии «Дуга», и охраняют их Стражи – то ли сильные воины, то ли страшные чудовища. Молодой сталкер Данила по прозвищу Треш, долгие годы разыскивающий отца, военного разведчика, пропавшего во время спецоперации еще до Судного дня, отправляется в путь. Потому что надежный источник сообщил: «Ищи отца там, где Врата». Чрезвычайно опасна и коварна эта дорога без настоящих друзей...

© Левицкий А. Ю., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Вместо пролога	7
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Андрей Левицкий, Сергей Коротков

Зов Армады

© Левицкий А., Коротков С., 2015

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Отдельная благодарность Владимиру Андрейченко и Сергею Болдыреву за идеи по сюжетной линии и дальнейшее развитие сталкерской тематики.

Также авторы благодарят Владимира Николаева за карту Пади, созданную специально по миру Армады.

Когда все остальное потеряно, все же остается еще будущее.
Кристиан Боуви

Вместо пролога

В бушующих волнах Ледовитого океана летучим голландцем носится старый танкер, наполненный нефтью-сырцом. В холодных озерах бывшей Карелии на поселенцев наводят панику чудовища, похожие на гигантских угрей. В глубоких пещерах и рудниках Урала обитают кровожадные троглодиты, о которых любят потравить байки вольные бродяги Восточных земель. Кочевники с засушливых берегов Черноморья, обмелевшего до размеров озера, передвигаясь огромными караванами, стараются избегать зараженных радиацией территорий вокруг уничтоженных атомных станций. Уже четвертый год после Судного дня поселенцы Пади, большой долины между Уралом и Карпатами, пытаются выжить под натиском воинствующих группировок, мутантов и аномалий.

Что на самом деле случилось в тот страшный Судный день, что стало с фауной, флорой, людьми, техникой? Никто не знает истинной причины происшедшей катастрофы. Стихия, в одночасье погубившая шесть из семи миллиардов жителей земного шара, бросила оставшихся в живых на борьбу друг с другом и злобной Чащобой. Получив огромные дозы гербицидов и вирусов, разработанных военными учеными, флора и фауна атаковали человечество Мегаполисы больше не сверкают стеклами небоскребов, не шумят автострадами, смог над ними больше не висит. На заросших улицах, в непроходимых джунглях, заполонивших кварталы, не видно толп людей. Те немногие, что выжили, становятся вечными странниками, кочевниками и бродягами.

...Вот на опушку осинника выползает лесная крыса и смотрит на поселение. В ее зрачках отражаются огни сторожевых факелов, уши ловят осторожный говор часовых на стене форта. Где-то там, в подвалах бывшей пограничной крепости, ютятся ее сородичи – мыши-зерновушки. А она здесь, в страшном лесу, где царит вечный полумрак и всегда холодно. Крыса смотрит на темный силуэт форта и завидует тем, кто живет там. Она бы с удовольствием перебралась туда, но...

...Когтистая нога давит грызуна и бросает в большой клюв. Птица на длинных ногах, с плешивым лоснящимся брюхом, чавкает и, взмахнув коротким крылом, визжит от восторга. Вопль слышат на крепостной стене, и голоса там сразу умолкают. Зверь, почесав клювом в грязных перьях и с досадой взглянув на огни форта, исчезает в черной листве. Он из племени *гуйф-фонов* – ночных убийц или, как их еще здесь называют соответственно их любимому занятию, пожирателей крыс. Отвратительные потомки страусов, дроф, фламинго, журавлей.

В темном небе планирует коршун. Внизу темно, но для острого взгляда это не препятствие, птица видит все на многие километры вокруг.

Хруст в чаще и затихающий стон. Около реки раздается крик. На грунтовой дороге кто-то сражается на мечях. Ненормальные, нашли время! Сейчас к ним соберутся твари со всей округи.

Где-то клокочет, булькает и шипит, а прямо под парящим коршуном *тиирмен* копошится над гниющим трупом.

Здесь один съедает другого, а тот убивает третьего. Здесь или ты, или тебя.

Тень метнулась к одинокому коршуну. Пронзительный писк, и птицы нет в живых – гарпия, грозный и сильный противник, уносит добычу.

Земля раздоров и войн. Место зла и крови. Ураганы, смерчи и землетрясения, чума и холера, радиация и кислота, биоспоры и аномалии, нож в спину, пуля в голову или клыки в горло. Здесь все смертельно опасно и враждебно.

Это Падь – один из последних оплотов человечества!

Глава 1

Рация тихонько пискнула, извещая о новости или очередном заказе. Треш, еще вчера отправившийся на поиски необходимых старейшинам Западного форта артефактов, как раз пытался выудить «копчик» из черной дыры под валуном, бывшей лисьей норой, теперь облюбованной аномалией «гарь», породившей этот редкий и ценный артефакт. Сталкер чертыхнулся, отпрянул от жгучего ореола, присел возле выкорчеванного высохшего пня и достал гаджет.

«Моторола» выдала и новость, и заказ в одном сообщении: *«Всем, всем, всем! На Западный форт совершено нападение ренегатов, есть жертвы, святой тотем поселения украден. Количество и направление движения чужаков неизвестны. Есть инфа, что это наемники Студня. Всем следопытам и сталкерам Пади в наискратчайшие сроки принять необходимые меры по поимке ренегатов и возвращению тотема в форт. Вознаграждение гарантируется».*

Треш убрал рацию в боковой клапан рюкзака, высморкался. Легкая испарина после муторного изучения «гари» не исчезла, тельник прилип к спине, пальцы зудели. Он прищурился, хотя солнечный свет не падал на лицо, и задумался. «Тотем украли. Ну и ну! Студень же рейдер с юга, из района Анклава, бригадир тамошней банды ренегатов. Глупо как-то с его стороны добраться до Западного форта и выкрасть святыню Совета старейшин, которые берегут ее как зеницу ока... Нехорошо, ой нехорошо поступили! Позарились на святая святых. Этот тотем бережет честь и жизнь поселения, защищает его от мутантов и нашествия биома, а теперь... Студень, надо же! И как его занесло в наши края? Он же подчиняется Фараону, сфера его влияния известна – Низина и Зарека. Хотя он не брезгует далекими рейдами... А уж цели этих его рейдов давно известны, разбойник он, одним словом. Давно форты на него зуб точат, как и он на их святыни. Так, ладно. До поселения полдня ходу или часа три бега. Вдруг эти уроды в мою сторону двинули? Нужно быть начеку».

Треш вытер рукавом кожаной куртки лицо, отряхнул ладони от песка и хвои, встал. «Так. Самый короткий и удобный путь от Западного форта на юг – это, конечно, дунуть в южном направлении. Следопыты крепости это знают и уверены в таком раскладе. Но если Студень не идиот, а он таковым не числится, то двинет длинной, зато надежной дорогой – от форта сначала на восток, краем Куцега болота, а уж затем распадком между сопками и руслом ручья. На север они не пойдут, раз сами из Зареки и прибыли с юга, а от крепости наилучшая тропа – между сопками, к ручью, почти на меня. Там-то я вас и спеленаю. Ох, блин, как мне все это... Ну что ж, я жду вас, парни!»

Сталкер разочарованно вздохнул, глядя на алое свечение из дыры под валуном, исходящее от «копчика», и пошел прочь. Обогнул холм, взобрался на крутой берег и, миновав «крио», ледяную аномалию, стал искать удобную точку для наблюдения.

Утро показывало, что весь день будет хорошим: ясное небо, роса на хвое, щебетание птиц. Настроение после ночи, проведенной в шалаше, улучшилось, ноги после вчерашней долгой ходьбы перестали гудеть, глаза радовались чудному пейзажу. Треш пробирался краем обрыва, рогатиной раздвигал кусты и внимательно изучал деревья – попасть в смертельные объятия Чашобы не хотелось. «Чашоба, мать ее! Хорош я – столько лет собирал артефакты, добывал органы редких мутантов, фоткал ученым Западного форта новые аномалии да провожал караваны торговцев между локациями Пади. Угораздило же забраться в такую глушь одному, да еще и рейдеры Студня где-то здесь!»

Достигнув открытой местности, распадка между сопками, Треш отогнул еловую лапу, внимательным взглядом окинул местность, прислушался. Тишина и покой.

Погода ухудшилась, солнце спряталось в серых, сгущающихся тучах, собирался дождь. В Пади частенько так бывало, угадать наперед было невозможно ни климатические условия,

ни присутствие мутантов и непроходимых аномальных полей. Дождь все не шел, хотя стало хмуро и холодно. Треш начал подниматься по холму, не покидая лесной опушки. Этот лес на десятки километров уходил вдаль и немного вверх, покрывая горную местность. Может быть, когда-то здесь поработал ледник.

Упали первые капли. Хрустели под ногами сухая хвоя и олений мох, не успевшие намокнуть под мелкой моросью, трещали мелкие сучья. Все живое спряталось в предчувствии непогоды.

Он выбрал подходящее для засады место, тщательно осмотрел окрестности распадка и стал сооружать лежку. Быстро перекусил вяленой воблой, твердым куском сыра и холодным брусничным чаем из фляжки. Мысленно прокачал сектор стрельбы, поворошил волосы, помассировал виски и вздохнул. Адреналин, насытивший его кровь после суточного похода в одиночку и известия о беглых бандитах, оставил чувство легкого страха. Множество удачно пройденных аномалий, встреч с мутантами и двуногими врагами – это же фантастика! В фантастику он, выживший после Судного дня, давно перестал верить. А еще перестал надеяться и верить в светлое и сытное будущее. Будущего не было, как не было и прошлого – было только продолжительное настоящее, сиюминутное, которое могло закончиться в любую минуту.

«Эх, и красота вокруг!» Треш замер, рассматривая пейзаж. Синее беспокойное озеро – далеко в предгрозовой дымке, за другим берегом темно-зеленые горы. Тучи плывут быстро и нескладно. Едва пробивающиеся сквозь них лучи солнца шарят по зеленому морю леса, словно прожекторы.

Вдруг недалеко послышался голос. Рука мгновенно ушла за спину, легла на обмотанный изолентой приклад «Вала», большой палец зажал один из ремней. В этих диких местах мог встретиться скорее враг, чем друг. Уже через секунду бывший биатлонист был готов вскинуть оружие и дать короткую очередь – неважно, мутант там или опустившийся бродяга, нечего ходить тут и пугать честной народ!

Он приглядывался к каждому кусту, стволу и камню в направлении, откуда прозвучал голос. Ладонь на прикладе вспотела, зато спина ощутила холодный озноб. Глаза сузились, слух обострился.

Снова голоса. Вспорхнула птица. Сердце застучало сильнее, предчувствуя опасность, драйв, схватку, но воспоминания о прошлом не отпускали...

Молодого, но опытного проводника и следопыта Пади многие знали, пользовались его услугами, нанимали для тех или иных дел. Одни уважали и отвечали взаимностью и симпатиями, другие завидовали и ненавидели. Он действительно слыл удачливым сталкером и отличным знатоком леса, метким стрелком и усердным исполнителем любой порученной работы. Поселенцы Западного форта, где он жил, уважали сталкера, считались с его мнением и советами. Еще три года назад, в Судный день, он потерял мать, оставшись с младшей сестренкой на растерзание мародерам и насильникам. Лишившись родного крова, похоронив маму и собрав пожитки, брат с сестрой собрались покинуть мертвый город и пуститься на поиски спокойного и безопасного места, но на них напали отморозки из соседнего квартала, слывшего среди жителей города плохим районом. Бывший спортсмен положил тогда всех бандитов, но очень уж кровавой и жуткой картиной закончился этот бой. Еще тогда сестренка, забившаяся в углу и забрызганная чужой кровью, икая и плача, назвала сцену расправы замысловатым модным среди молодежи словечком «треш».

Впоследствии это слово прикрепились к сталкеру, стало популярным в обиходе поселенцев Западного форта, а в радиоэфире его так и стали называть – Треш. Сталкер не удивлялся этому. Ему зачастую приходилось вступать в жесткие схватки с врагом и заканчивать их в свою пользу. Причем в бою он действовал стремительно, ловко и хитроумно: минимум времени, крови и жути, максимум пользы и эффекта.

Сестренка занималась хозяйством, брат – добычей средств на жизнь. И оба жили одной мыслью и мечтой – найти отца, пропавшего недалеко от Пади много лет назад, еще до Судного дня, командира разведгруппы, получившей какое-то секретное задание и исчезнувшей в горах Кавказа. Группа вроде как объявилась в Зоне (на территории отчуждения вокруг аварийной атомной станции, которая породила аномалии, мутантов, диковинные артефакты, враждующие группировки), потом снова пропала. А позже случился Судный день...

Левая ладонь невольно потянулась к поясу, к бумерангу. Странное и, наверное, глупое действие, потому что правая лежала на прикладе более надежного оружия. Треш выпрямился, все так же пристально всматриваясь и сдвигая пальцами лопасть пластикового бумеранга, немного успокоился, чувствуя проблеск безопасности и уверенности.

В голове давно созрел план действий по ликвидации банды. Место его лежки находилось на травянистом холме и ничем не выделялось – уж что-что, а хорошо маскироваться он умел! Появившиеся рейдеры должны обратить внимание на выделяющиеся в округе предметы: пни, деревья, ямы, бугры и кусты. А маленький скрад на плоском скате невысокого холма не должен привлечь их взгляды.

Так и оказалось. Дернувшийся с опушки кустарника заяц и бросившаяся в заросли семейка свинорылов привлекли внимание сталкера.

Проводник банды осторожно показался среди листьев рябины. Пока позади него в глубине леса братва разбиралась со свинорылами, используя бесшумное оружие, дозорный пристально изучал местность. Его короткую синюю тужурку и серые льняные штаны Треш заметил не сразу, видать, разведчик бандитов действительно имел навыки лесного старательства. Но и обходить этот сектор рейдерам тоже было несподручно. Вот и поперли именно здесь, выбравшись на свет божий.

– Вот зараза ж, какие вы предусмотрительные! – прошептал Треш, изучая сектор в оптику «Вала». – На рожон не лезете и дозор вперед пустили. Ну, смотрите, как бы не лишиться своего разведчика, а то ведь и отмычкой так недолго стать.

Проводник рейдеров и правда превратился в отмычку, причем мертвую. Автомат тихо лязгнул и срубил наповал ренегата в синей тужурке. Сталкер дождался момента и сделал это так, чтобы остальные не увидели падающего тела.

Бандиты высыпали на опушку и нестройной шеренгой выдвинулись вперед. Скорее всего, в кустах позади них притаился замыкающий. И вероятно, со снайперкой. «Вычислить его, а потом уж покрошить остальной батон. Та-а-ак, где ты у меня?»

Треш отметил наличие четырех человек, идущих на полусогнутых через просеку к логоу, где залег он сам. За спиной одного из ренегатов, одетого в комбез цвета хаки, торчало полено. «Тотем! Значит, ты и есть у нас Студень, другим не доверил эту ценность. Сам несешь. Поди, тяжело?! Давай, архаровец, ком пу мир».

Не дожидаясь, когда ренегаты заметят труп проводника, подойдя уже очень близко к скраду сталкера, Треш еще раз осмотрел в оптику опушку леса на предмет группы прикрытия. Никого. Затем быстро привстал и мгновенно открыл огонь. Четыре выстрела – четыре лежащих. Трупы или нет, но попаданий тоже четыре. Сразу уход вправо и вниз. Боярышник рядом срезало пулями. «Ого! Быстрый ты, как я погляжу». Треш еще чуть-чуть отполз в сторону, собрался, приподнял автомат и прильнул к прицелу. Ногой намеренно задел куст рябины. Тотчас в рябину прилетела пара пуль. Сталкер замер и выстрелил сам. Метнулся вбок, встал на колено и, поймав цель, еще раз нажал спусковой. Затем спокойно поднялся и огляделся.

Позади него, метрах в ста, трещал ветками вепрь. Почуял ли он человека, услышал ли стрельбу от опушки, пока было не ясно, но злую клыкастую морду задрал и принялся. Это Треш разглядел в оптику довольно ясно. Выждал, пока кабан не побрел дальше, а сам спустился с холма и осмотрел ложбинку с трупами.

И понял, что смертельно облажался... Только три мертвых тела лежали внизу, четвертого не было. Причем самого главного, с тотемом.

Треш прыгнул влево, сделал кувырок, услышал пистолетные хлопки и аккуратно покатился в низинку. Мозг разорвала острая холодная мысль. «Как Студень так быстро смог свалить? Этого не может быть! Ранен же... Он вообще скопытиться должен...»

Главарь рейдеров по прозвищу Студень не скопытился, он даже не был ранен. Его спас не бронежилет под комбезом, а эта странная штуковина, торчавшая из рюкзака за спиной и почитаемая поселенцами Западного форта. Метровая дубинка в виде выстроганного из темно-красного дерева лика старца, инкрустированная самоцветами и серебряными элементами, спасла жизнь новому хозяину. Та чудодейственная сила, которой обладал тотем, в доли секунды превратила броник бандита в непробиваемый каркас. Пуля срикошетила, но притворившийся убитым ренегат упал, полежал, а затем скрылся в кустах и ответил контратакой.

Схватка двух врагов длилась недолго. И не потому, что один был надежно защищен влиянием тотема, а другой считался метким стрелком – просто появились псевдоволки...

* * *

За три года существования Пади как одного из немногих уголков земли, не пораженного катаклизмом, ее наводнило большое количество мутантов и враждебных группировок извне. Истребляемое самим биомом, радиацией и засухой, видоизмененное зверье кинулось туда, где еще остались территории с приемлемыми условиями жизни. Гигантская аномалия «Дуга», появившаяся на болотах в Южном секторе Пади, тоже плодила уродов и тварей, заполняя ими все окрестности. И оставшиеся в живых люди уже толком не знали, откуда прут мутанты – снаружи Пади или от Дуги. Те немногие ученые и знатоки леса, которые пытались найти источник мутации и ликвидировать его, бесследно исчезали. Кого-то из них находили в виде костей и гниющих останков, других опознавали в облике зомби, шастающих по Пади, иных и вовсе больше не видели.

Каких только уродов не видела Падь со времен Судного дня! И двуногих, и трехлапых и восьминожек, и маленьких ядовитых и огромных зубастых, и цветных, черных, белых и невидимых, способных к мимикрии. Воздушных, наземных и подводных, живучих и слабых, многочисленных и редких. Все они одинаково были жутки и смертельно опасны, а еще жаждали крови и плоти, потому что среди них не водились травоядные и вегетарианцы.

И людям, познавшим боль и горечь утрат близких в Судный день, тяжесть потери родного крова и всего нажитого, конечно, было невыносимо ощущать себя кормом для этих тварей. Так появились форты, оружие, специально обученные люди, тактика. Люди продолжали гибнуть и страдать, только все меньше и меньше, потому что со временем накапливался опыт существования и выживания в Пади.

И конечно же в этом хаосе выживал сильнейший и наиболее приспособленный к новой жизни. Таким стал и Треш, вольный сталкер Пади, сын военного разведчика и спортсмен-биатлонист.

Псевдоволки в прошлом были обыкновенными лесными серыми хищниками, но, попав под действие радиации и аномалий, ослепли, мутировали и превратились в злых и вечно голодных зверей. Охота была смыслом их существования. Нюх у них выработался отменным, чутье обострилось, страх исчез, и к тому же природа, испытавшая на себе глобальную перезагрузку, наделила их ментальной силой. Псевдоволки атаквали жертву сначала издалека, ментально, наводя панику и ужас в рядах любого противника, и только потом в ход шли клыки и когти мутантов.

Даже единичные экземпляры псевдоволков были реальной угрозой людям и домашнему скоту. И бороться с ними можно было только на расстоянии огнестрельным оружием или некоторыми артефактами.

Ни у Треша, ни у бандита не было специальных отворотных артефактов. Но у сталкера имелся прекрасный автомат, а у рейдера – тотем, защищавший его от пуль, осколков и клыков, но не останавливающий психотропную атаку.

Треш побежал что есть мочи к просеке, высматривая толстое и высокое дерево, специально оставляя позади себя трупы ренегатов на съедение уродливым хищникам. Студень же, отстреливаясь одним пистолетом, взвыл, ощутив на себе ментальные удары нескольких особей.

Свора оказалась небольшой, около десятка особей, но силу представляла не малую. Часть мутантов облепила бандита, часть набросилась на мертвых, а два псевдоволка кинулись вдогонку удирающему сталкеру.

Треш на бегу вспоминал, сколько осталось патронов. Пятнадцать. «Мда-а, не густо. Хотел же у Пуза на Блошинке купить еще патронов... Скряга, блин! И дерево не спасет, психом одолеют. Вот жопа-а!»

Пока остальные уроды рвали бандита и трупы его дружков, Треш влетел в кусты именно там, где по его расчетам должен был находиться мертвый снайпер. Не обознался – ренегат в фуфайке, спортивных штанах и горных ботинках лежал, окропляя дерн кровью. Позарившихся уже на запах мертвой плоти земляных аскарид сталкер разогнал коротким окриком, схватил АК-20 с оптическим прицелом и успел вынуть из клапана разгрузки рейдера пару запасных рожков. В следующий миг он скривился от боли в висках, тяжести в затылке и давления в глазах. Захотелось выпарапать себе глаза, пальцами достать мозг и самому же слопать его.

Ментал. Рука рванула к рюкзаку, но, вспомнив, что таблетку пси-блокады он использовал еще в горах при знакомстве с фантомами, Треш застонал и бросился в сторону. Уйти от направленного удара, ответить огнем и снова двигаться, двигаться, менять позиции – только так можно было избежать попадания в лапы зверей и последующей смерти от их клыков.

Сталкер понял, что ни дерево, ни кусты не спасут от ментала и нужно выбирать на открытое место, драться. Выбежал, согнулся, упал, барабанил себя по голове, сдернув бандану, царапая в кровь щеки и уши. Извернулся, вскочил, побежал снова. Уже на ходу забросил АК на плечо, магазины сунул в боковые карманы, вскинул «Вал».

Снова свалился, истошно закричал, разрывая на груди одежду, обдирая кончики пальцев, подпрыгнул. Сквозь слезы заметил расплывчатые силуэты двух мутантов. Безвольная рука не могла поднимать оружие, поэтому он упал на одно колено, упер интегрированный ствол глушитель спецавтомата в ногу и нажал спусковой крючок. Монотонная дробь. Визг собак. Адская боль в голове и спине, ровно между лопаток. Будто тесак вогнали в позвоночник.

Еще выстрелы. Еще.

Треш, качаясь и пуская слюнявые пузыри, вытер струйку крови из носа, проморгался, сморщился. Боль уходила, тяжесть слабела и исчезала. Глаза снова увидели природу, красивый пейзаж, уши уловили звериный рык, человеческие стоны, визг волка рядом. Присмотрелся. Один хищник валялся бездыханным, другой умирал, скуля и кусая рваную рану на теле.

«Нужно срочно кончать с ним, нужно срочно кончать с ним... Нужно...» Треш машинально вынул из ножен клинок, подошел и быстро прикончил псевдоволка. Так же автоматически вытер лезвие штык-ножа о плешивую спину мертвого зверя, убрал оружие. Проверил на ощупь пустой магазин «Вала», кисло скривился. Тренированным движением закинул автомат за спину, к рюкзаку, взял АК. Треш даже не смотрел на движения своих рук, на устье ложбины, где рвали добычу хищники. Он уставился в стеклянные глаза мертвого мутанта и готовился к смертельной схватке, может быть, последней в его жизни.

Студень уже почти не дышал и не дергался от укусов псевдоволков, грызущих его ноги. Тотем на спине все еще защищал корпус и голову бандита, но не его конечности. Звери поняли,

что лучше доступные кости, чем недостижимое мясо туловища. И грызли, кусали, рвали экипировку, обувь, плоть. Бандит уходил в мир иной в страшных мучениях, взорвавшийся от боли мозг перестал соображать, будто расплавился после ментальной атаки зверей и не отвечал на сигналы поедаемого тела.

Кровавое пиршество прервал сталкер. Очереди из автомата с отсечкой по три патрона быстро сбивали зазевавшихся четвероногих противников, валили их замертво, не давая опомниться и атаковать. Одна, три, пять тварей пали, чтобы уже никогда не встать, а ночью превратиться в корм для местной лесной живности.

Оставшиеся два псевдоволка не побежали прочь, а кинулись на одинокого человека, стоящего на холме и меняющего магазин автомата. Треш не успевал перезарядить его, поэтому бросил оружие в траву и выхватил другое, наиболее привычное и дееспособное в ближнем бою – бумеранги и штык-нож.

Развел руки и встал в стойку.

Бросок, еще. Мутант забился, разрывая почву мощными лапами, заскулил. Другой прыгнул. Им тоже было уже не до ментального оружия и концентрации мысленного посыла на жертве – когти и клыки всегда были надежнее.

Но не в этот раз.

Штык-нож виртуозными взмахами распорол в воздухе брюхо зверя, догнал и перебил сухожилия задних ног. Визг, рычание, возня. Фонтанчики крови.

Треш отпрянул от этого хищника и поспешил разделаться с тем, что юлой вертелся в траве, хрипя перебитой трахеей. Поднял окровавленный бумеранг, крутанулся, сбивая прицел разъяренных глаз мутанта, стальной лопастью бумеранга и лезвием штык-ножа рассек волосатую шею твари.

Хрип, бульканье, агония.

Конец.

Сталкер устало присел рядом, почувствовав спад внезапной тяжести на плечах и в пояснице. Будто бетонную плиту передал напарнику. Аморфность тут же овладела телом, поползла к голове. «Не дать слабости овладеть мною. Не дать...»

Треш с трудом встал, отрешенным взглядом окинул место боя, пробежался по округе. Никого. Тишина. Сталкер начал приводить себя в порядок.

Хабар рейдеров, тотем, антеннулы – роговые коротенькие наросты на затылках псевдоволков, служащие источником передачи ментального сигнала. Все эти трофеи оказались тяжелы для дальнейшего передвижения, одно оружие с БК весило около пуда. Но бросать все это по нынешним временам было полным безрассудством.

Схрон. Нужно делать схрон, кои сталкеры Пади зачастую и сооружали в походах. Треш начал обходить мертвых ренегатов, игнорируя затихающие стоны Студня.

Главарь рейдеров был еще жив, хотя такое определение уже не совсем ему подходило – кусок истерзанного мяса, ошметки плоти, лужа крови, обрывки былой экипировки. И все это в оболочке модуля «Гранит», горячо любимого вояками Армии Спасения. Консервы «Фрикадельки в томатном соусе».

Он стонал и выпускал дух, но, видимо, просто так уходить в иной мир ему не хотелось. Впрочем, какие хотелки могли быть актуальны в такой ситуации?!

Треш, собрав в кучу весь хабар, присел возле умирающего, осмотрел место бойни, с отвращением оглядел главаря.

– Ну, что с тобой делать, Студень? У тебя видок щас действительно как у студня. Оставить подыхать так или исполнить последнее желание?

– Же... жела... – прохрипел бандит, пуская кровавые пузыри, – что... хошь.

– Э-э, давай без лишних телодвижений, время тянуть не будем, некогда мне, сам еле выкарабкался из этой кутерьмы. Кратко, лаконично, четко. Я задаю вопросы, ты отвечаешь, можешь кивком. Хотя... смотрю, кивать-то нечем уже тебе. Итак. Кто заказчик?

Студень закрыл единственный оставшийся целым глаз, молчал. Даже стонать перестал.

– Алле, красавец?

– «Туза»... дашь...

– Что? А кашкой с сыром не покормить с ложечки? Я вопросы задаю, ты отвечаешь, живей.

– «Туза»... умоляю. Скажу... все скажу.

Треш порылся в карманах, пока еще туго соображая после спада ментальной атаки, нащупал единственный оставшийся спайс. Некоторым в Пади он служил дурманом и наркотой, другим – неплохим обезболивающим и стероидом, снимающим усталость и напряжение. В правильной дозе. Сам он ими не пользовался – находя их, обычно продавал на Блошинке или менял на что-то более выгодное.

– «Туза» потом, сначала несколько вопросов. Заказчик. Фараон?

– Нет. Демоны... Нумиз... мат.

– Нумизмат. Понял. Ишь, ты уже втихаря и на сектантов начал арбайтен! Просто душечка! Фараон бы узнал – на шнурки порезал. Так, ладно. Дальше. Где должна быть встреча и с кем?

– Река. Плотины... старая... Демоны. Завтра... полдень.

– Ясно. Ты это... пока не помирай раньше времени... – сказал Треш, заметив, как рейдер корчится и отходит, – значит, Фараон не при делах тут? Не его потуги?

– Н-н-нет. Но он тоже... ищет... знает, зачем...

– Ох-х, как тяжело с тобой балакать! Ладно, держи «туза», хрен с тобой.

Сталкер сунул травяной кубик в месиво на месте рта бандита, пальцем грубо запихал спайс ему за щеку. Обреченно уставился на изуродованного ренегата.

– Респект... тебе, сталкер... Уже лучше... Не так стремно... уходить в ад. Зря я... позарился на тотем... Зря! Хотел же... со своими уйти к Дуге... Врата искать... Рай.

– Рай? А он вообще есть? Сказки все это. Легенда, – промолвил Треш и вдруг почувствовал в груди укол, зуд, тревогу. В голове застучало, пальцы ног и рук онемели, колени ослабли.

– Мля-я, опять, что ли, псевдоволки?!

– Что-о? Нет... только не они!

Спустя минуту сталкер убедился, что опасности не было – мозг сам по себе разрывался от какой-то непонятной тревоги и путающихся мыслей. Подумал про Рай, Врата и снова ощутил волнение в груди и голове.

– Отец! Хм... Слушай, Студень, ты везде со своими рейдерами лазишь, много повидал. Случаем не слышал про вояк, разведчиков или спецназовцев?

– Армия... Спасения... «Альфа»?

– Нет. Других каких-нибудь. Например, из Зоны... тьфу, то есть Анклава. Со станции атомной. Может, в Низине где-то или на Больших Лужах?

Ответ ренегата ошарашил. Не подвела сталкера интуиция! Треш схватил бандита за липкий от крови ворот, дернул, не обращая внимания на стоны умирающего.

– Говори, Студень! Говори-и-и! Что знаешь?

– Есть там вояки. Сколько... какие... не знаю. Точно есть... Фраера с Южного... форта... гутарили. Охрана... Позывной у них...

– Ну-у? Истребитель? – Треш напрягся и прильнул ближе к страшной физиономии Студня.

– Нет... Ник... Ни...

– Едрить тебя налево, Сту-удень! Никита? Топорков?

– Ник... кликуха... Ни-и...

Бандит улыбнулся, видимо, поймав самый смак «туза», и с ухмылкой на кровавой маске умер. Треш опустил плечи и голову рейдера, долго не сводя с него взгляда. Мысли роились, но не появилось ни одной толковой идеи. Сумбур.

«Ник? Никита? Николай? Никотин? Имена и прозвища всякие могут быть, а мне нужно одно, единственно верное и правильное! Никита Топорков. Отец!.. Что же Врата, Рай, Низина? Там? Туда? Блин-н...»

В прострации Треш сидел еще долго, пока не онемели ноги и не закололо щиколотки. Далеко в лесу раздался вой. Сталкер вернулся из небытия. Встал, стараясь не смотреть на труп бандита, и, бросив изучающий взгляд на юг, стал взваливать на себя трофеи. Крякнул под весом хабара и тяжело зашагал в западном направлении, в сторону форта. Задание было выполнено, он остался жив и возвращал тотем туда, где ему было место, и тем, кто в нем нуждался.

Схрон сделал у приметного утеса, между двумя валунами. Оставил там кое-какое оружие, флажки бандитов и пару сухпайков, один бронежилет и кое-что из амуниции рейдеров. Полуржавый шлем хотел уже выкинуть, но обратил внимание на кривую надпись изнутри: «В. Челимов. II+». Полусфера вояки, снятая сталкером с одного из рейдеров, показалась странной и необычной. «Явно с трупа солдафона Альфы сняли! Стервятники, епрст. Поди, догола раздевают мертвых, лишь бы поживиться чем-то!» Треш сунул шлем в схрон, замаскировал, замел следы на щебенке и, тряхнув нелегким рюкзаком с торчащим из него тотемом, направился дальше.

Вскоре он поднялся на пригорок, заросший желтыми одуванчиками, и засмотрелся на кривую линию горизонта на юге. Там далеко, за кромкой леса, чернел небосвод, напоминая о надвигающихся сумерках. И этот горизонт больше не пугал, не отталкивал, а наоборот, звал, тянул к себе. Потому что где-то там был его отец.

Глава 2

Ближе к вечеру Треш, возвращаясь с тотемом в форт, уже топал вдоль Куцега болота. Все шло пучком: зверье не беспокоило, лес, тихий как никогда, аж ветви расставлял перед ним. Сталкер знал, что весть о пропаже тотема мгновенно обошла половину Пади. И что весь честной народ категории «следопыт Пади» бросился на поиски воров и ценного артефакта Западного форта. Поэтому, разобравшись с рейдерами, спешил сам и, увидев парочку «лесных братьев», напрягся. Почему? Интуиция кольнула мозг насчет этих двоих. «Сабля и Упс, известные следопыты из форта. Не кореша, но достаточно знакомые мне парни. Их все в Пади знают: прощелыги те еще, хитрожопые, но в деле серьезные и имеющие неплохие связи. Сабля еще и рудознавец хороший. Да, знакомые уже как год. Но... Почему они оказались именно здесь и в это время? Я специально не пошел по следам рейдеров. Что же случилось за время моего отсутствия? Сабля и Упс что-то не торопятся, прогулочным шагом через аномальные дебри топают».

Мозг скомандовал молниеносно: «Прячь хабар». И Треш сунул тотем под неприметный куст, ловко срезав кусок ягеля, спрятал под ним драгоценную диковинку. Быстро осмотрелся, поправил хвою, распушил мох, замел веткой следы. Пяти минут хватило на сокрытие схрона и признаков его присутствия здесь. Так же незаметно на корточках переметнулся к валуну, оставив тайник далеко сбоку, в глубине чащи. Присел за камнем, обросшим ярко-зеленой плесенью, и вынул вяленого чебака. За этим занятием его и застала парочка поисковиков. Побратались, пошутили, порасспрашивали, че почем. Треш соорудил недоуменную физиономию, типа, ничего не видел, не слышал, сижу, ем, гулял, смолу искал да болотный багульник для лекаря форта. Типа, а что случилось? Парни почесали репы, осмотрелись, скинули рюкзаки, предложили почаявничать. «Да легко!» Треша как раз жажда одолела, а тут нате – предлагают чаляву. Пока Упс соорудил кружку на горящем сухом спирту и варганил отвар, Треш с Саблей делились новостями и впечатлениями. Полмесяца они точно не виделись. Медовуху пили пару недель назад в баре на Блошинке, выгодно продав лесные находки торгашу Пузу.

Еще во время чаепития и разговоров сталкер начал смутно понимать, о чем речь. Эти двое явно пытались выведать, где тотем, особо не расспрашивая о том, встретил ли Треш бандитов, нагнал ли, нес ли эту ценность. Чай оказался на редкость вкусным отваром из пяти трав. Мелькнувшая было мысль стала тормозить и растворяться в одурманенной голове: «Зараза! Вот где собака зарыта. Настой из сонных и наркотических корешков и листьев. Писец, попался, как щенок! Ведь сразу ясно было – идут вечером, не спеша, совсем не преследованием Студня заняты. Будто чуяли, что я именно здесь пойду... и с хабаром. Ан нет... прогадали».

Дальше разум окончательно поплыл, и до смерти захотелось спать, просто лечь прямо тут, на опушке леса, на краю Куцега болота, и забыться. И ничто его не смутило и не остановило. Треш упал на бок и ткнулся щекой в пучок мха возле валуна, а двое его собеседников молча переглянулись и досадливо скривились. Но этого сталкер уже не увидел.

* * *

Как он добрался до форта, с кем и когда, Треш толком не помнил. Одурманенного и вялого его взяли под белы ручки, предварительно изъяв оружие и снарягу, дотащили до крепости. Затуманенный взгляд и аморфный мозг по пути отмечали виды проплывающих мимо окрестностей: опушку Чашобы, широкую вычищенную просеку, Ограду. Последняя представляла собой выжженную огнем и химией полосу вокруг крепости, между речкой и кир-

пичной кладкой. Ко всему прочему этот участок был вырублен и перепахан, обнесен трехметровой сеткой рабицей, «егозой» и линией высокого напряжения в виде натянутых вдоль земли рядов проволоки, которые питались электротоком от ветряной мельницы в восточной части форта. Стены, покрытые плесенью, узкая спокойная речушка и Ограда не могли противостоять Чашобе и нападкам многочисленных врагов, поэтому в крепости имелась достаточно подготовленная охрана. Часовые на башне, несмотря на надвигающиеся сумерки, издали заметили троицу и встретили путников.

Изрядно намучившись и вспотев, лжедружки доставили Треша внутрь форта и сдали охране. Сталкер пытался понять, где находится, почему его держат цепкие руки воинов форта и отчего так хмуры их лица. А ведь раньше они всегда были приветливы при его виде. «Что случилось? Что такое произошло, почему мир вокруг в одночасье изменился и окрысился? Почему все они так злы, эти гневные взгляды, жесткие дергания, грубые фразы? Звизде-ец...»

Ему устроили допрос, выдвинули предъяву. Его не пытали, никакие жестокие меры к нему не принимали, чтобы выведать тайну потери тотема. Опросив сталкера один раз, старейшина поселения громогласно сообщил, что ему грозит казнь. И причин тому имелось в избытке. Во-первых, Треш хоть вяло и нечленораздельно, но сам честно сообщил, что держал тотем и ликвидировал бандитов, только не помнил, куда подевал святую реликвию. Будучи опьяненным и частично потерявшим память, он никак не мог восстановить в голове отдельные эпизоды уничтожения банды и возвращения в поселение, не говоря уже о встрече с Саблей и Упсом. Во-вторых, в руки народных судей и дознавателей попала записка от анонима, доказывающая вину Треша. На оборванном по краям желтом листке бумаги корявым почерком значилось несколько слов: *«Тотем у меня, жду бонуса согласно уговору, а пока вернусь в форт. Т.»* Это сообщение неизвестному и буква «Т» в конце наглядно говорили сами за себя. Записку обнаружили в кармане куртки Треша, но сам он вяло отнекивался и не мог понять, как она попала к нему. Сравнить натуральный почерк сталкера с образцом в записке никто не стал, видимо, понимая, что на этой стадии проверки можно намеренно смухлевать и подделывать текст. Ну а в-третьих, нашлись двое свидетелей того, что Треш тащил тотем и трофеи Студня, но, почуяв опасность, запрятал народный артефакт в лесу. Это были все те же Сабля и Упс, наперебой рассказывающие про вину сталкера и его преступление. Сославшись на срочные дела, они прилюдно обвинили Треша, получили благодарность старейшин и поселенцев, а потом незаметно покинули крепость.

Теперь сталкеру действительно «наступила жопа». Мозг разрывался в поиске алиби и от непонимания происходящего, руки остервенело царапали и мяли голову, будто внутри нее пряталась разгадка этого ЧП. Казалось, никто уже не мог помочь ему. Треша поместили в тюремный комплекс форта, приставили охранника и определили время до обеда следующего дня. Смерть дыхла смрадом в лицо. Так близко к отчаянию и позору он никогда еще не был.

Сестренку к нему не пустили, и, зареванная, она ютилась за стенами каземата, нервно теребя узелок со скудными продуктами. Всю снаряду и оружие Треша охрана свалила в камере напротив, досконально изучив вещи заключенного. Удивительно, но бывшие дружки Сабля и Упс не позарились на его личное имущество там, у Куцега болота, боясь навлечь на себя подозрение. Только прихватили артефакты, остатки еды, типа, их и не было вовсе, антеннулы псевдоволков да кое-что по мелочи. А затем, оклеветав сталкера, еще и свалили из форта. Видимо, имели на это серьезные причины. Но какие?!

* * *

В крепости поклонялись тотему, установленному в святом месте, на алтаре у центральной башни – тому самому, который вчера выкрали бандиты Студня и который бесследно пропал

вместе с ними в дебрях леса. Артефакту, в силу которого верила добрая половина поселения, считавшая его причиной удачной защиты форта от Чашобы. И теперь в сердцах всех затаилось ожидание чего-то ужасного и неизбежного.

Совет мудрых гадал об истинном положении дел, возможном местонахождении тотема и достоверности информации, касающейся пленника. Главный старейшина, уединившись от всех, поднялся на смотровую площадку башни, сцепил на груди руки и уставился на линию безопасности перед фортом.

Ветерок трепал седую клинообразную бороду старца, морщинистое загорелое лицо было обращено к солнцу, задумчивые глаза смотрели в одну точку. Ему, похоже, одному не верилось в то, что преступником оказался этот молодой сталкер. Его неоднократная помощь форту и друзьям Совета в других поселениях тесно приблизила его к старейшинам. Да и что греха таить, Треш стал им по сердцу. «Но факты есть факты, а мнение общественности разделилось на два фронта. Теперь нужно спасать сталкера, точнее сказать, хотя бы не позволить казнить его. Понятно, что наказать, может быть, жестко, но не лишать же жизни!»

Старейшина погладил бороду, поправил обруч венка на голове. Крякнул. Выбор встал не из легких. А решение в основном зависело от него. «Что же делать? Без артефакта... гм... без святого тотема Западному форту не выжить, долго не протянуть. Оружие и защита те же, что и в других поселениях Пади: самодельные огнеметы, ловушки, самострелы, камнеметы, пращи, смоляные котлы на стенах да частокол из острых, ржавых решеток. Имеются и более серьезные меры защиты со скудным запасом БК: пара пулеметных турелей на узловых точках периметра и несколько гранатометов РПГ-7.

Но тотем! Именно он лучше всего охраняет форт от напастей биома и мутантов. И потеря его означает скорую потерю всего поселения. Вместе с падением веры в то высокое и святое, что так усердно мы, старейшины, насаждаем все эти годы. Нет, этого никак нельзя допустить! Либо срочно достать тотем, либо казнить виновного и... все равно достать тотем. Так или иначе, но сталкера нужно судить и приговорить к определенной мере наказания. Народ решит голосованием, какую меру выбрать ему. А Совет поможет, наведет. Тогда пусть решение народа и будет предтечей скорого краха крепости. Возможно... скорого!»

Позади старца учтиво кашлянул охранник. Старик обернулся, посмотрел на него. «Ишь, стережет меня, охраняет для себя, своей семьи, всех поселенцев!» Воины форта не носили униформу и не выделялись особенностями снаряги и привилегиями. Здесьние поселенцы вообще слыли единой общиной, с демократией и свободой отношений и слова, но все исполняли определенные обязанности: вели хозяйство, охотились, рыбачили, ходили на промыслы, воевали и даже рожали. Да-да, рожали, несмотря на хаос, болезни, антисанитарию, войны и постоянные угрозы природы.

Люди за три года выживания после Судного дня научились различать яды, заразу, отравы, обороняться от биома, зверей-мутантов и двуногих врагов. Да, гибли, калечились, умирали даже внутри крепости, но существовали, верили в светлое и доброе, что непременно когда-то найдется. Например, в Рай. В легенду о сказочном месте, где нет смерти и зла, где люди не носят защиты и оружия, а продуктов и воды там целое море. О Рае, в котором спокойно спят, живут и работают во благо себе и друг другу, а не для обороны от Чашобы. «Рай! Мир без боли и болезней, волшебное место жизни, а не существования. Мечта. Но где находится этот Рай, кто им управляет и есть ли он на самом деле – никто не знает. Те немногие, кто отправлялся на его поиски, не возвращались уже никогда».

Старейшина жестом показал охраннику, что идет, сам бросил задумчивый взгляд на пустой алтарь, сдвинул брови, вздохнул и стал спускаться по крутой лестнице вниз.

* * *

Сознание возвращалось мучительно. В голове гудело и стуком отдавало в виски, перед глазами все плыло. Чуть подташнивало, едким комом свербя горло где-то чуть ниже адамова яблока. «Неужели сотрясение?» – пришла первая здравая мысль, да и вообще первая.

Треш разлепил веки – шторм в голове не исчез, а усилился. «Ох, как тяжело и мутно. Однажды подобное уже было после сильной попойки в честь моего двадцатипятилетия. Дикое похмелье с утра, изжога и ватное тело. Но тогда с бодуна. А здесь-то с чего?»

Сталкер огляделся, разминая мышцы и суставы, вздыхая от тупой боли. Серое, полутемное, сырое помещение с окошком, перекрытым решеткой и старой полиэтиленовой пленкой вместо стекла. Он с трудом поднялся с нар, скривившись от боли в суставах и колокольного набата в голове. «Писец! Живой труп. Как дед ста четырнадцати лет, ей-богу. Судя по солнечному снопу, утро. Похоже, карцер форта. Хотя какой в крепости карцер с окном и нарами, застланными грязной овечьей шкурой? Но на тюремную клетку точно смахивает. Пленник? Это в родном-то поселении?!»

Он встал и подошел к двери, приложился ухом. Ничего, кроме стука своего сердца, не услышал. И снаружи окна в двух метрах над грязным мокрым полом тоже никаких звуков. Онемевшие ноги подкашивались и ныли, набат в висках упорно не затихал. Кисти рук сжимались и снова расправлялись, массируя шею и плечи. Треш обошел камеру по периметру. Три на два. «Точняк, тюряга. Как же так? Перехватил бандитов Студня, покоцал их всех, тотем вернул, а сейчас... Стоп, мои лыжи. Тотем? Нужно было вернуть его, а ведь не получилось. Он же...»

Треш тряхнул головой, пытаясь восстановить порядок мыслей и воспоминаний, но только усилил боль в висках и затылке. Отчего застонал и плюхнулся на нары, сдавив голову руками. «Проклятые головняки! И подташнивает. С чего хоть? Не пил же. Стопудово не пил ничего такого... А, нет. Пил же! Отвар этот проклятый, будь он неладен».

Сталкер прислушался. Лязг засова, но не его камеры, чуть подальше. Снова тишина. Еле слышный клич петуха. «Точняк, местный петух Жорж закукарекал. Берегут его в роли будильника, не жарят, не варят. Да и кур треплет за здорово живешь... Утро-о. Блин, а был же вечер! Тотем был в рюкзаке, и снаряга, да и очертания крепости вдалеке. И эти двое. Как их? Сабля и Упс. Точно. И допрос проводили старейшины. Суд устроили прилюдно. Вот блин, позорище-е на мой чайник пустой! Та-а-к...»

Сидя на нарах в позе «зю», обхватив руками взъерошенную голову, Треш не сразу услышал шорохи, возню и скрип засова. А когда дверь отворилась, он и не сразу увидел в сумерках вошедшего. Сфокусировав зрение, сталкер обомлел – перед ним стоял старик с седыми космами, бородой и усами. Загорелое обветренное лицо, льняная ряса, перехваченная в поясе кушаком, походная сумка на боку с ремнем через плечо и вместо посоха... нунчаки. Колодушки для зерна, зачастую служащие оружием в умелых руках. Пленник разогнулся и непонимающе уставился на незнакомца. Впрочем, он не раз видел его в форту да и на Блошинке. Старик, на вид лет семидесяти, приложил заскорузлый коричневый от самосада и работы с землей палец к губам, призывая к тишине. Оба прислушались. Услышали лай дворовой собаки снаружи каземата и бульканье капель с потолка подвала.

– Я Гур, твой друг. Хочу помочь тебе. Уходим отсюда. Живей, – произнес хриплым, приглушенным голосом старик и жестом позвал пленника на выход.

– Друг? – Треш вскинул брови и не шелохнулся. – С каких таких щей? У меня нет друзей. Больше нет... Были два приятеля, да и те вышли... Нет дедули, да и бабули давно нет. Очередная проверка на вшивость? Я еще раз говорю... я невиновен. Я не крал тотем и не собирался...

– ...Слышь, сынок, ноги в руки и валим на хрен отсюда! – перебил старик зловещим шепотом. – Никаких проверок, никакой лажи. Понял?!

– Дед, ты, видать, обознался. Может, тебе соседняя камера нужна, а, ниндзя косматый?

– Я так и знал, ексель-моксель! – Незнакомец сменил шепот на повышенные тона, прищурив в потемках глаза. – Весь в папку, точняк! И рожей, и кожей. Да и характерец такой же, ешкин кот.

Треша будто молотом по башке стукнули. Он вскочил с нар, одним прыжком очутился возле старика, схватил его за плечо (заметил еще крепкие мышцы) и пронзил строгим пронительным взглядом:

– Что-о? Что ты сказал, дед?

– Гур я. От производного ГРУ. Когда-то так величалось Главное управление разведки или Главное разведуправление. Щас не важно. Ты не помнишь меня, Данилка? Нет? Я генерал армейской разведки. Гм... бывший. И бывший начальник твоего бати, майора Топоркова. Никиты Сергеевича. Семь лет тебе было, когда отец твой пропал. Ты с матерью и сестрой в часть к нам приезжал. Не помнишь?

Старик мягко, но сильно разжал хватку сталкера на своем плече, продолжая смотреть в его удивленные глаза, затем взял его руку в свои ладони и легко надавил. Треша словно токомшибануло. Он вздрогнул как тогда, возле дома офицеров, в Хасавюрте, когда слегка пожилой угрюмый генерал присел на корточки возле него и двумя руками пожал маленькую ручку семилетнего сироты. За спиной плакала мать, держа на руках сестренку Данилы, а позади генерала стояли два офицера с печальными бледными лицами.

– Генерал? Вы-ы?! – Треш сглотнул комок в горле и подавил желание присесть, согнуть ватные ноги и унять kloкочущее сердце.

– Я, Данила, я-а, – шепнул старик и, взяв сталкера под локоть, потянул из камеры. – Потом... все потом, а сейчас надо уходить. Самому тебе уже не выкарабкаться отсюда. После обеда должна состояться казнь, скоро хватятся часового. Тогда обоим вышка. Пошли, боец.

– Гур, воды не найдется? Совсем трубы сухие...

– Есть кое-что другое, – бывший генерал достал из сумки маленький бурдюк, взболтнул, протянул пленнику, – на вот, настойчик полезный, болеутоляющий.

– Самоделка, что ли? – Треш с недоверием зыркнул на емкость, затем на старика. – Меня уже подобными бражками вчера поили, е-мое.

– Пей живей и уходим!

Треш сделал глоток. Вроде ничего, глаза не лопнули, понос не случился, мозги остались на месте. Приложился еще. Даже вкусно. Настой со вкусом цитруса и бергамота. Отдал кожаную фляжку Гуру, поблагодарил.

– Тише! За мной, паря.

Треш лихорадочно огляделся, кивнул и вслед за стариком юркнул из сумерек камеры наружу. У влажной стены на грязном полу сидел в отрубе охранник. Рядом стоял карабин, прислоненный к дверному проему.

– Помоги.

Сталкер вместе с Гуром подняли вырубленного часового, затащили в камеру, ловко связали его же ремнем от штанов и рукавом потной рубашки, сделали кляп, закрыли дверь на засов. Карабин хотел прихватить Треш, но старик забрал его себе со словами:

– Твоя снаряга вон за той дверью. Забирай живо. И тихо давай. Кажись, кто-то идет. Вот мля-а!

Сталкер на цыпочках метнулся в указанном направлении, а Гур прокрался вдоль стены к лестничному проходу и замер за углом.

Ждать пришлось секунды три. Из-за пролета показался бородатый толстяк в черной рясе и кожаной безрукавке поверх, в мокалинах, с портупеей через плечо, в каких раньше носили

маузеры. Жирные пальцы в золотых перстнях, в мочке левого уха серьга с рубином, на мощной шее тату в виде штрих-кода. Станный мужик. Золото давно обесценилось, а выглядеть таким упитанным в голодные времена – большая роскошь, равняющаяся приверженности к высшему сословию. Либо к лидерству в какой-либо группировке.

Тюкнув по лысой голове новоявленного, Гур тихонько свистнул сталкеру, а сам помог обмякшему толстяку сползти вдоль серой стены. Обшмонав его, подхватили за конечности, оттащили увальня в одну из камер и проделали с ним то же, что и с первым охранником. Треш, водрузив свою родную снарягу на себя, привычным движением закинул «Вал» на спину, затем на секунду впал в ступор. Задумался, глядя, как Гур копошится с толстым мужиком. В глаза бросились первые три цифры на штрих-коде татуировки охранника. «666». Этого толстяка кило под сто двадцать и лет так под пятьдесят ни Гур, ни Треш раньше не видели. Поди, кто-то из недавно пришедших. Хотя странно, уже в охранниках? Еще тогда двум беглецам стоило задуматься над этим вопросом...

Вдруг осенила мысль: «А что, если оставить записку поселенцам?» Сталкер бросился искать уголек, мел или кусок извести, но безрезультатно. Потом вспомнил, что в подсумке с картой Пади имеется огрызок карандаша. Нашел, стал осматриваться в поисках листка бумаги; бумагу дал Гур, догадавшись о намерениях сталкера. Треш благодарно кивнул, бесцеремонно присел на тушу толстяка (нар в этой камере не было) и принялся писать. Начеркав три строчки, оглядел сырое помещение и вышел наружу. Записку воткнул в засов своей камеры, повернулся к старику посмотрел вопросительно: «Ну что, куда и как дальше?»

Гур хмыкнул, теребя седой ус, вздохнул и прошептал:

– Придется тебе немного пообниматься со стариком. Уж не обессудь, сынок. Есть только один способ выбраться отсюда незаметно и без жертв. Нам ведь они не нужны в крепости, так?

– Так.

– Вот поэтому наверху, когда дам сигнал, прижмешься ко мне сзади крепче и плотней, и быстрым темпом минуем площадь и запасной выход из форта. Пойдем через северную башню, там лодка ждет. Понял?

– Так точно, мой генерал! – улыбнулся Треш. – А ты точно генерал?

– А то. Бывший, правда. Вопросы еще не по теме есть? – Старик вынул из сумки на боку какую-то вещь.

– Генералов бывших не бывает! Кажись, так? Думаешь, сольемся тандемом, так никто не заметит? – ухмыльнулся сталкер, приводя на себе в порядок снарягу и подгоняя лямки, опутывающие тело.

– Обожди чуток, увидишь. Не зря по лесу и горам хожу. Кое-что имеется, – с этими словами Гур достал комок фольги, развернул, и взору сталкера предстала слегка сияющая желеобразная субстанция. – Артефакт «медуза». Слышал про такую?

– Ё-мое-е! Артефакт-невидимка. Способный...

– Он самый, – оборвал старик восторженный возглас Треша и шикнул на него, – тс-с, тише ты, парень. Так всю братию форта сюда накличешь, ексель-моксель. Короче, дуем наверх, там в сцепку и валим отсюда. И что бы ни случилось, какие бы ни встретились помехи, соблюдай тишину и полную маскировку. Иначе сам знаешь.

– Ясно. Не пацан, – шепнул Треш и тронул за плечо отвернувшегося было деда. – Гур, спасибо тебе! Скажи, ты правда что-то знаешь про отца?

Старик смотрел в строгие зеленые глаза сталкера секунд пять, кивнул и улыбнулся:

– Как там у вас, молодежи, говорят? По чесноку? Так точно, сынок. Знаю, что жив, где примерно сейчас находится и... все расскажу. Потом. Давай для начала выберемся отсюда. Лады?

Треш радостно кивнул, протер кулаком повлажневшие глаза, глубоко выдохнул и на манер спецназовцев тронул плечо старика – знак двигаться вперед.

* * *

Солнечное утро ослепительным светом бросилось в глаза. Свежесть близкого леса и влажность крепостных стен, покрытых плесенью и стелющимся вьюном, остро ударили в нос, закрались за отвороты одежды, вызывая волны мурашек по спине. Звонкая трель жаворонка прерывалась редким лаем собаки да мычанием коровы в хлеву. Пока беглецы, прижавшись друг к другу, невидимками брели по краю площади и крались вдоль стен и казематов к дубовым воротам, обитым чугунными пластинами, громкость звуков усилилась. Бряцание цепей и скрежет тросов, скрип деревянных орудий труда, звон кувалды, голоса, детский плач, мат, резкий шум циркулярки и удары топора о бревно – все сливалось в разномастную гамму шумовых эффектов, таких привычных для крепости да и для любого поселения Пади. Просыпающийся народ заполнял крепость, занимаясь ежедневными делами. Гвалт и гул нового дня разрастались, выходя за пределы поселения, эхом блуждая по катакомбам форта и ложбинам недалекого леса.

Возле огромной бочки-накопителя дождевой воды оба внезапно остановились. Гур хотел было цыкнуть, но понял причину внезапного ступора. Треш заметил сестру, сидевшую в позе «лотоса» на куске бетонной плиты недалеко от зарешеченного окошка камеры, в которой остался связанный охранник. Длинный грязный сарафан закрывал половину тела, легкая жилетка из тонкого войлока, косынка, бусы из сушеной рябины, лапти. Сердце сталкера сжалось при виде бедняжки, дежурившей у стен тюрьмы. Как-то раньше он и не придавал значения ее облику, старой потасканной одежонке, печальному взгляду родной девочки. Блин!

Гур терпеливо ждал жеста напарника, с пониманием глядя на бедняжку.

И ведь никак не сообщить ей о себе! Треш проглотил ком, облизнул губы и сжал кулаки, отпустив ткань рясы поводыря. Так захотелось броситься к милой сестре, схватить ее в охапку и бежать, бежать прочь, сквозь стены, лес, аномалии и невзгоды. Но... Этого делать сейчас никак нельзя. Нужно терпеть, ждать. И ей, и ему. А пока бежать. Подальше. Но елы-палы, как же дать знак, как помочь ей скрасить печаль?!

Треш залез рукой в карман. Пусто. Пощупал отсек худого рюкзака, где держал кое-какие ценности. Ничего. Все стырили эти лже-друзжки Сабля и Упс. Сволочи. Блин, что же делать? И Гур мнется, нервничает.

Старик заерзал, вынул из сумки «рубин» – редкий и красивый артефакт в виде кристалла, способный частично отводить пули, стрелы и сглаз, дорогой товар на Блошинке. И молча, без колебаний, сунул его в ладонь сталкера. Треш на миг обомлел, поняв, зачем и почему дед отдал ему такое сокровище, и благодарно сжал предплечье старика. Не сговариваясь, они мелкими шажками перебрались поближе к девочке, постояли несколько секунд, наблюдая за ней, и, выронив артефакт на полы сарафана, так же спешно ретировались прочь. Треш успел заметить недоумение сестры, перешедшее в радость и молитвы. Она сжимала «рубин» в кулачке и вертела головой вверх и по сторонам, пытаясь понять, откуда свалилось такое богатство.

«Не дура, смекнет, как правильно использовать вещь», – подумал сталкер и, увлекаемый попутчиком, скрылся за углом.

Медленно, чтобы не разъединиться и не стать видимыми, они с трудом перебрались через кучу щебня и сваленные балки, обошли высокий истукан бога плодородия, вырезанный из бревна, и тихонько миновали наблюдательный пост на смотровой площадке. Двое охранников не слышали шороха ног и не заметили легкой взвеси пыли у крепостной стены. Проблема заключалась в другом.

Почувяв их присутствие, залаял шелудивый пес, скитающийся по дворам форта. Норовя укусь за ноги странных безликих существ, он бесновался и метался вокруг парочки, чем привлекал внимание поселенца, вырезающего из веток орешника стрелы.

– Эй, Чмо, вали на хер отсюда. Задолбал гавкать, – бросил недовольный мужичок, но, поняв, что впустую, заорал на дворнягу громче: – Слышь ты, псина облезлая, кончай тявкать! Вот зараза! А ну, пошла отседова, божья тварь!

«Ну и кликуха у собаки!» – мелькнуло в голове Треша, отчего он даже улыбнулся. А на самом деле просто на душе стало легче. От того, что он вместе с другом отца идет прочь от тюремных подвалов. Что с его же помощью удалось скрасить существование бедняжки-сестры на ближайший месяц, и скоро там, на свободе, он узнает от попутчика все о своем отце. Наконец-то!

Собаку прогнал брошенным камнем поселенец. Та, взвизгнув, исчезла. Беглецы пролезли в огромное отверстие разрушенного блокауза, перебрались через остов масловарки и, оставшись наедине, «размедузились». Теперь их могли увидеть только случайно, поэтому преодолеть оставшееся препятствие – стену за северной башней – нужно было еще осторожнее и тише. Пять метров вверх, разбитые ступеньки, затянутые ползущим лишаем, и еще три метра в синее, как сапфир, небо. Часовой на башне на особом счету. Осмотр двора, отход к боковому поручню. Гур, несмотря на возраст, легко и ловко подтянулся и жуком пополз наверх. Приклад «Сайги» болтался за спиной, дабы не брякнуть по кирпичам выщербленной стены. Треш осмотрелся, убедился, что бородатый охранник обзирает округу за фортам, и повторил действия старика. Преодолев стену за какие-то минуты, отметив про себя факт, что так поступить может и враг, решивший проникнуть в крепость, беглецы по сухим лианам спустились наружу. Вскоре они бесшумно гребли на плоскодонке вниз по течению, отчалив от заросшего ивняком берега.

Вроде бы пронесло...

* * *

– Можно представить, какой переполох сейчас в крепости! – усмехнулся Треш, орудуя единственным веслом с левого борта лодки, в то время как старик использовал тычку.

– Да-а, шухер там не слабый. – Гур искоса посмотрел на сталкера. – Но рано или поздно тебе придется туда вернуться.

– А тебе? Ты вообще с каких краев, Гур?

– С Северного форта. С Костромского.

– А здесь какими судьбами? Путь же не близкий от Северного...

– Считаю, что тебя искал. И дельце есть одно, – пробурчал дед, отталкиваясь шестом, погруженным в реку.

– И за этим аж с Северного шагал?! Не хило.

– Если бы ты знал зачем, то не удивился бы. Сам вприпрыжку поскакал.

– Ясно. Вопросов больше нет... пока.

Некоторое время они гребли молча, любясь местными красотами. Густой ивняк скрывал берег, гигантские камыши и рогоз создавали вдоль него частокол, чернея сигарообразными набалдашниками. Пацаном Треш любил собирать их и, распушив, носиться по деревне, кидаясь в приятели. Беззаботное детство. Яркие воспоминания. Куда все это делось?..

Думы и грезы прервал сильный всплеск метрах в тридцати позади. Треш тотчас напрягся и уставился на испуганного Гура, лицо которого приобрело синеватый оттенок. Когда бульканье повторилось ближе, сталкера и самого пробрало не на шутку. Он слышал о речных мутантах, водившихся в глубоких полноводных озерах и реках, но здесь, в небольшой речке...

– Гребите живей! – крикнул Гур и сильнее налег на шест.

Они остервенело рвали веслами гладь реки, ощущая затылками и спинами опасность.

– Сюда... с разгону в камыш!

Вода невдалеке пару раз взбурлила, давая понять, что враждебное существо приближается. От страха у обоих беглецов затряслись поджилки и предательски ослабили конечности. Мощными рывками они вогнали лодку в гущу камыша и торопливо спрыгнули в нее, по колено увязнув в тине, ряске и жиже. Паутина залепила потные лица и одежду, в воздух взвилась огромная стрекоза, тархтя метровыми полупрозрачными крыльями. В корму суденышка с глухим стуком ударила подводная тварь, лодка вздыбилась передком и, пролетев по воздуху пару метров, перевернутая шлепнулась на камыш, едва не накрыв людей. А те, напуганные до смерти, не оборачиваясь, без сговора, побежали прочь.

Оцарапав веткой лицо, Гур зигзагообразными прыжками устремился на ближайший холм. За ним неотрывно следовал Треш, тяжело дыша и хрустя сухостоем под ногами.

Твердь. Слава богу, успели!

– Что за хрень... там... нас?... – задыхаясь, выпалил сталкер.

– Лучше б нам не знать, – буркнул старик, упав спиной на покрытый травой откос пригорка, и сложил трясущиеся руки на груди. – Сколько их... за время Хаоса наплодилось... уродов... мать их за ногу.

Отдышавшись, путники успокоились, проверили оружие, огляделись, выбрали ориентир и зашагали к лесу. Сбоку, тревожно дребезжа колючими ветками, напомнил о себе аномальный куст шиповника, будто предупредил: «Сюда не ходи, туда ходи, снег башка попадет...» Опытные сталкеры Пади знали, как хреново попасть в зону досягаемости такого кустика и оказаться настигнутым его стреляющими иглами. Гур вел сталкера по лесу аккуратно и быстро. Выбирал опушки, просеки, распадки, максимально избегал завалов и густых зарослей. Да Треш и сам знал премудрости Чащобы и мог бы без особых сложностей пробираться один – на его стороне был многолетний опыт и своеобразная «дружба» с аномальным лесом. Именно так, иначе эту необычайную связь и не назовешь. Обычно подходя к лесу, чтобы преодолеть тот или иной участок, Треш без особого труда выискивал на опушке одинокое деревце – «лапку», как он называл его. Такая имелась всегда, ютилась на отшибе, будто бы специально придуманная во времена эпидемии для контакта добра и зла, света и тьмы, человека и Чащобы. Для связи с природой, восставшей в борьбе за право на существование. И Треш, познавший некоторые секреты друидства, научился общаться с «лапкой», находить ее среди множества растений и устанавливать взаимосвязь. И тогда путь через Чащобу был почти безопасен. Ну... Если не нарушать спокойствия растений.

Вот такая фишка, и о ней знал только он.

Гур, судя по всему, пользовался иными методами прохождения лесных дебрей, не любящих шума, огня и топора. Они могли и пропустить человека, внимательно следя за ним, но если тот не нравился Чащобе, в ход шло ее оружие: зверье, ядовитые растения, аномалии. Все использовалось для уничтожения неугодного. И лес Пади всегда побеждал!

Шли долго. День клонился к концу. Почти не разговаривали, молча брели сквозь обширные заросли.

По знаку Гура присели, прислушались. Относительно тихо и спокойно. Естественные звуки не отвлекали и не пугали слух путников, но они умели различать среди всей этой какофонии те сигналы, которые могли стать угрозой, предвестниками беды.

Треш почуял присутствие зверя. Видимо, Гур тоже – тронул руку сталкера и пальцем указал направление. Следующим жестом дал понять, чтобы напарник занимал позицию слева и бдительно следил за левым флангом. Справа тянулся овраг с достаточно крутыми отвесными краями, так что оттуда опасности не предвиделось. А вот заросли дикой малины впереди на одиннадцать часов привлекли внимание и старика, и молодого сталкера.

Треш, помня неписаное правило нахождения в Чащобе, то бишь соблюдение абсолютной тишины, даже не притронулся к огнестрелу, тем более старик, показав на автомат, отрицательно покачал головой. Треш медленно и плавно перетек на корточках влево от Гура, расстег-

нул ремешок ножен. Скоротечно огляделся и притянул плечом к стволу осины. Дед перебрался к краю оврага и заглянул туда. Прокачал окрестности, поросшие мелкими елочками и молодыми осинками, визуально профильтровал недалекий куст боярышника.

Что-то живое было рядом. И это «что-то» следило теперь и за ними. Треш чувствовал чужака, зло, давление извне. Интуиция до сих пор никогда не подводила опытного сталкера. Краем глаза он заметил движения старика, готовящего свои нунчаки и при этом не сводящего взгляда с малинника. Левая рука Гура нащупала ствол осинки, перебрала его пальцами вверх и притянула к себе, наклонив деревце.

Зачем? Что он собрался делать, Трешу было невдомек. Но следя за пожилым проводником, сталкер не терял контроля и за своим сектором. И вскоре дождался разгадки...

* * *

Треш пристально всматривался в очертания деревьев и кустов. Сердце тревожно и громко застучало. Глаз у спортсмена и опытного сталкера Пади – алмаз, но пока ничего опасного он не замечал. А вот Гур точно кого-то узрел. Сделав стойку, подоткнул излишки рясы за пояс и, лихорадочно соображая, медленно попятился к самому обрыву, дно которого скрывалось в пелене серого тумана и зарослях высокой травы. Угодив туда, надеяться на скорое спасение не стоило, настолько крутыми казались склоны без единой тропки наверх.

Ступая назад, Гур вдруг замер, даже обильная растительность на его лице не скрывала бледности и крайней степени испуга. И эти эмоции передалась Трешу, до рези в глазах уставившемуся в стену леса. Но ничего, кроме сухого обгорелого деревца с торчащими черными сучками в малиннике он не видел. Сталкер перевел было взгляд дальше, но интуиция заставила подобраться, напрячься, твердя: «Внимание! Сейчас...»

Лес, не тронутый пожарами и кострами, чистый в этой окрестности от человеческого вмешательства и действия частых молний, выделялся одним-единственным сгоревшим деревцем. Странно... Треш раздумывал, как среди живого зеленого кустарника, затесалось лишь одно отмеченное давним огнем дерево. Будто оно здесь лишнее, чужое, и это вовсе... не дерево!

– Парень, черный сук на одиннадцать! – крикнул Гур и взмахнул руками над головой, словно приветствовал издалека товарища. Или привлекал его внимание. Но зачем?

– Вижу... Это... это что еще за... – Треш до боли сжал в руке штык-нож, понимая, что данное оружие против *этого* чуда явно слабо. – Гур, бойся-я!

Черное деревце вдруг ожило, неестественно дернулось, согнулось и выскочило из малинника. Теперь его ничто не скрывало. Корявое, обгорелое из-за давнишнего пожарища растение зашевелило сучками и издало низкий скрипящий звук, не предвещавший людям ничего хорошего. Ни одного листочка, ни хвоинки, сгусток черных веток и корень вместо головы. Страшилище будто явилось из ужасных сказок или кошмарных снов. Треш отпрянул и плюхнулся задом на траву, выпучив глаза и открыв рот. Живой обгорелый древо-корень вскинул конечности-сучки, сделал кривыми ходулями-палками шаг и, ускоряясь, бросился в их сторону.

– Сиди смирно, не дергайся! – бросил старик, заметив шок растерянного сталкера, заорал и замахал руками, собираясь бежать. – Сюда-а! Я тут! Лови меня-а...

Сухостой (иначе его и не назовешь) без заминки кинулся за беглецом, не разбирая дороги, ломаясь сквозь кусты и громко скрипя куцыми кривыми конечностями. Треш быстро окинул себя оценивающим взглядом, выискивая нужное оружие против невиданного врага, но ни нож, ни бумеранг, ни «Вал» за спиной не годились для борьбы с этим существом. Чем можно было победить или хотя бы остановить свирепый оживший корень, сталкер никак не мог сообразить. Он вскочил на ноги, хватая заточенную палку, и выставил ее как копье, приняв боевую стойку римского воина. Но его помощь не понадобилась – Гур справился сам. Причем легко и просто – вот что значит профи, спец и знаток леса! Не чета молодняку.

Старик специально позволил сократить дистанцию между собой и страшным преследователем, почти разрешив схватить себя жуткими щупальцами-сучьями, с разбега зацепился у оврага за самую толстую ветку крайней молодой ивы и... высоко прыгнул вперед. Почти настигший его сухостой-обгорелок бросился за жертвой, протягивая острые обугленные ветки. Благодаря крепкому гибкому стволу дерева Гур, как грузило на леске удилица, повис над огромной ямой, описал дугу и, спружинив, вернулся к краю обрыва, удачно плюхнувшись на колени рядом с подоспевшим сталкером. Страшилище же по инерции рухнуло вниз и пропало в туманных сумерках обширного оврага. Его возня и шелест долго слышались внизу, но попытки вскарабкаться наверх не увенчались успехом – склоны действительно оказались слишком круты и к тому же осыпались.

– Вот примерно так я еще недавно охотился на зверей, – пояснил Гур, отпустив ивовую ветвь и отряхивая колени, – пока не стал вегетарианцем и не перешел на растительную пищу.

Он улыбнулся одними глазами, положил крепкую ладонь на плечо Треша и, кивнув в сторону темной низины, сообщил:

– Это огарк, дерево-мутант. Не иначе как под Дугу попал, бедняга. Издалека же его занесло в наши края! Эдак скоро и другие гости пожалуют, если эта кочерыжка смогла сюда добраться.

– Огарк? Что за хреновина такая, откуда? – нахмурился Треш, вглядываясь в темень за обрывом. – Какая еще Дуга? Не та ли огромная аномалия далеко на юге, в районе Больших Луж, про которую ходит молва, что она выросла незадолго до Судного дня и плодит дорогие артефакты и дары? И якобы служит местом паломничества оставшихся в живых, а еще является указателем к Раю.

– Ого! Как много инфы в одном вопросе, – удивился Гур, поправляя льняную рясу с грязными полами, – и как много дезы в ней. Вечерком расскажу... если захочешь, а сейчас нужно идти. Не хотелось бы ночлег устраивать в Чашобе, где уже появились обитатели Дуги.

– Мне не впервой ночевать здесь. Я могу.

– А я нет. Спать нужно спокойно, а не дергаться и спички вставлять в глаза на кроне высокого дерева.

– И где же это безопасное место? Здесь на многие кэмэ одна натура, – усмехнулся Треш, отходя вслед за стариком от оврага вглубь опушки. – Я-то уж эти дебри знаю хорошо. Да и ты, думаю, здесь не первый раз.

– Ну да, ну да... Огарка тоже видел уже? И знаешь, кто он, откуда и как с ним бороться? – ехидно ухмыльнулся Гур, похлопывая сталкера по рюкзаку на спине. – Может, прям тут, у обрыва, заночуем?

– Да шас-с! Не-е, чего-то не хоцца... – пробурчал Треш, шагая по поляне в сторону малинника и нервно озираясь. – Давай уж лучше до твоей ночевки двинем. Не видел до сих пор такого чудища и очень надеюсь не увидеть его больше никогда. Если по чесноку, поплыл я маленько, завидев его, да еще и бегущего за тобой аршинными скачками. Вдруг подумалось, что вряд ли чем его заваляшь, а ты вона как разделался с этим сухостоем... деревяшкой, блин!

– Эта деревяшка легко на свои сучки жертву насаживает, как перепелку на шампур. Или душит в секунду, аж глаза вываливаются у добычи. Так что лучше с огарком нам больше не встречаться, сынок.

– И чем же его можно свалить?

– Ну, не пулей точно. И не ножиком. И даже не твоим летающим плоским бананом! – Гур хохотнул. – Огнем можно, он боится пламени. Все деревья не дружат с огнем, и этот – не исключение. Возможно, и артефактом каким-нибудь отпугнуть можно. Не знаю. Нужно изучать и экспериментировать.

– Не-е... – Треш хмыкнул и отрицательно замотал головой. – Мне такие эксперименты с риском для жизни на хрен не нужны. А как ты узнал, что его можно сбросить в овраг?

– А я и не знал. Первое, что пришло в голову – бежать. А потом сообразил, что обрыв – хорошая западня для любого зверя. И решил действовать так, как раньше охотился. Факел сооружать уже времени не было, сам понимаешь. А мой способ хорош во всех смыслах. – Довольный собой, Гур улыбнулся, топая по еле заметной в траве и опавших листьях тропинке.

– Ха. Ну ладно, если овраг такой есть, так ведь не везде он имеется. Не-е, нужен более действенный способ. Полагаться на одно лишь везение и удачу не стоит, – заметил Треш, упираясь взглядом в спину старика.

– Так и есть. Только кому, как не тебе, знать, что такое удача?!

– Сбaceaю-ка я факелок, вдруг этот огрызок... огрелок... огарок... тьфу!.. Огарк за нами припустит. Да и темнеть начинает, все равно свет нужен. Долго еще идти? Может, на сосну залезем?

– Стар я лазать по деревьям. И смолой мारаться не больно хочется... Да и перекусить нужно, костерок развести. Потерпи малость. Скоро будем.

– Может, я первым пойду? Я Чащобу знаю... и она меня тоже.

– Это хорошо, что дружишь с ней, но давай лучше я ведущим буду. А то за тобой не поспеть, припустишь еще, только одышку схлопочу да совесть замучает, что отставать от тебя буду. Расскажи лучше про себя, сынок: чем занимался эти годы, как выживал, где уму набирался? – Дед вполоборота подмигнул сталкеру, не сбавляя темпа.

Так, за разговорами, на ходу срезая следи и заготовки для факелов, петляя по сумеречному лесу, они прошли пару километров и очутились на опушке. Впереди раскинулось небольшое болото, за которым снова начинался куций смешанный лес, по сторонам тянулось редколесье из сухих осин и чахлого кустарника. Вид трясины говорил о названии сам за себя – Куцее болото. Белесый туман уже поднимался от болота, норовя застелить непроглядным покрывалом всю низину.

– Ах, вот для чего следи понадобились! Ясно. Понял. Ты хочешь сказать, мы в центре Куцега болота будем ночевать? – состроил недоуменную мину Треш.

– Догадливый, парень. Дров нарубишь? – Гур осклабился, поглаживая усы и бороду.

– Так... где ж я топор возьму? Да и зелень тут одна, какие дрова, блин? Чащобу только обозлим...

– Гы-ы, а говорил, лес знаешь! Пошли уже, следопыт ты наш, знаток природы. – Старик жестом пригласил вперед, в обход тучи комаров, прямо в пузырящуюся болотину.

Треш почувствовал неловкость и легкий стыд за глупые вопросы. Сколько раз в жизни он корил себя за необдуманные слова и поспешные возгласы... Собравшись с духом, осмотрелся и смело шагнул вслед за напарником. Но так и не понял насчет дров для костра и вообще места ночевки, поэтому просто решил довериться пожилому проводнику, уже не раз за сегодняшний день спасшему его жизнь. Раз Гур спокоен и уверен, значит, все будет хорошо.

Не зная, можно ли до конца довериться новому знакомому, он вспомнил наставления старейшины форта, что в Пади вообще никому и никогда нельзя верить. Замер на мгновение, а потом решительно махнул рукой и громко хмыкнул, привлекая внимание старика. Тот обернулся, вопросительно глядя на сталкера.

– Это... гм... тут недалеко нужно забрать кое-что... ну... хабар кое-какой имеется... значка, – пролепетал сталкер, не сводя с лица проводника пристального взгляда.

– А-а, так ты тотем *здесь* заныкал, возле болота?

– Хм... догадливый ты! Прямо полиграм.

– Полиграф, – поправил с усмешкой Гур и хлопнул перед собой комара, хрустнувшего в ладонях сдавленным хитином. – Давай сходим, заберем. Только живо, сынок, а то темнеет и скоро любое движение в этом лесу может закончиться большой бедой...

На месте недавнего злосчастного чаепития обнаружили труп Упса. Вроде бы этого следовало ожидать, но Треш насторожился и с испугом бросился изучать округу. Гур тоже стал

высматривать следы, отмечая про себя некоторые нюансы и рисуя в уме воображаемую картину убийства. Бедолагу прикончили после недолгих пыток, оставив на съедение зверью, которое недалеким воем уже напоминало о себе. Сломанные пальцы, отрезанные уши и кровавая дыра в подреберье убедительно доказывали это. Что мог сообщить бедняга, ничего не знающий о тотеме и схроне, непонятно, поэтому причина его убийства тем более была неясна. Плюнув на расследование, Треш быстро отыскал тайник, достал спрятанную драгоценность и с грустной улыбкой вернулся к старику.

– Зачем было его убивать? Он, конечно, заслужил наказания, и, может быть, жестокого, но не убивать же за подлость...

– А его и не сразу кончили, – пояснил Гур, тыкая слегой тело мертвеца, – помучили, попытали. И явно зря, раз тотем у тебя. Обобрали и, похоже, сюрпрайз оставили, поэтому трогать мы его не будем. Пошли быстрее отсюда, а то псевдоволки уже учуяли труп.

– Какой сюрпрайз? Новый артефакт объявился?

– Нет, граната объявилась под телом на боевом взводе. Среди палачей есть кто-то из военных, как пить дать!

– Ого. Вот сволочи!

– Призывной возраст, смотрю, кончился у тебя, сынок. Не служил. Но такие штучки должен знать, обитая в Пади. Запоминай и впредь, шмоная трупы в поисках хабара, не торопись. Ясно?

Треш кивнул, отряхивая завернутый в тряпье тотем. Со стороны эта бандура выглядела обыкновенной дубиной.

– Уходим. С тотемом позже разберемся. – Старик на ходу поднял длинную двустволку Упса. – Без патронов, но пригодится.

– А чего с ним разбираться? Его однозначно в форт доставить нужно, и дело с концом! Не хочу под следствием у своих же ходить и в бегах числиться.

– Потом поговорим, сказал. Уносим ноги, живее! А то я по темному лесу бегать не такой мастак как некоторые. Сайгак, блин, ишь нарезал, не успеть за ним...

Вскоре оба достигли Куцега болота и, не медля, ринулись через топь. Они достаточно быстро пробирались по чавкающей, булькающей, местами похожей на растительный ковер жиже. Кто-кто, а Треш знал, что такое тряпина и чем она чревата. Приходилось ходить по болотам Пади и раньше, но чтобы на ночлег устраиваться среди топи – это казалось невыносимым и диким. Выделяющийся метан, бездонные омуты, гадюки, отсутствие дров для костра, тепла и света, отпугивающего всякую нечисть, – все это противоречило здравому смыслу при выборе ночлега. Да еще и комары! Не те лесные комарики размером со скрепку, которых люди привыкли хлопать, замечая лишь по характерному писку. Болотный гнус абсолютно беззвучно роился столбами, ареалом охоты выбирая каким-то образом помеченную территорию в несколько квадратных соток. Самцы размером с колибри, кровососущий аппарат которых достигал длины сапожного шила, кусали не слабее самок. С десятков таких насекомых мог высосать из человека кровь за считанные минуты!

Вот это и являлось основной проблемой для шатающихся вокруг болот сталкеров и бродяг, чьи высохшие и обескровленные трупы находили порой в таких местах. Гур будто почувствовал тревогу молодого попутчика, повернулся на очередной травяной кочке и протянул Трешу кожаный мешочек с какой-то жидкостью внутри:

– Намажь немного на одежду. Аккуратно, чтобы не попало на тело. Это желчь лисоеда – очень сильное средство от гнуса, но и ядовитое одновременно. Запах его не опасен для человека, но пагубен для москитов. А при попадании на кожу сжигает ее и надолго оставляет шрамы. Возможно, навсегда.

– Ну, спасибо. Надолго хватает этой фигни? – Треш боязливо выдавил сгусток народного средства на кончик боевой перчатки, продолжая отмахиваться от вынырывающих из сумерек кровопийц.

– До утра точно хватит. Дай и мне мазнуть. Глядишь, одной проблемой будет меньше.

Брели в молчании еще с полчаса. Комары разом пропали, чему Треш немало удивился, изредка оглядываясь и выискивая надоедливых насекомых. Muskusный, чуть приторный запах ощущался, но абсолютно не мешал. Удивление долго не сходило с лица сталкера. Но он не знал, что это не последний сюрприз опытного проводника и старого знатока природы!

Глава 3

Солнце, бросив прощальный луч на опустошенную землю, мигнуло за кромкой леса и на долгие часы исчезло. Черная ночь опустилась на землю, завладев всеми уголками Чащобы. Болото вмиг наполнилось звуками. Гур заверил сталкера в их относительной безопасности и добавил, что если они поторопятся, то не только останутся в живых, но и смогут поужинать и даже выспаться. Старик занялся костром, действуя быстро, но так, чтобы Треш успел запомнить увиденное. Пусть учится, пригодится.

Сталкеру он поручил набрать воды, нарубить травы и камыша для лежаков, а также обложить пропитанным в желчи лисоеда шпагатом пятачок земли, где они остановились. Треш поражаился навыкам и знаниям старого проводника, искоса поглядывая за его манипуляциями и вслух уточняя смысл происходящего. Гур не ленился объяснять ученику свои действия, не скрывал познаний и кратко, но доступно доносил их до сталкера.

– Нам бы годик пошляться по этим лесам, горам, болотам, ох-х, как многому бы я научил тебя, сынок! Но время не ждет, а Врата зовут. Нужно торопиться, – пробурчал он, сооружая кострище, поймал удивленный взгляд собеседника и быстро сменил тему: – Много вопросов у тебя, вижу, чувствую. Сейчас сядем ужинать, и все по порядку поведаю. Не торопи меня и не торопись сам. Сделал все, что я просил?

– Конечно.

– В моей котомке возьми желтый куль, положи у циновки. Я сейчас.

Вскоре приготовления к ночлегу были закончены. Осмотрелись, прислушались. Два спальных места возле импровизированного костерка, веревка по периметру бивака, слегка вытоптанная четырьмя ногами полянка мягкой почвы на островке в центре Куцега болота, и утихающие вокруг звуки. Болотная живность, почуявшая непрошенных гостей, стала успокаиваться и умолкать, словно потеряла к людям всякий интерес. Причиной, по-видимому, явились огонь и пугающий запах желчи лисоеда, который не переносила ни одна лесная тварь. За кромкой света непроглядной стеной стояла ночь, всегда черная и до жути пугающая в столь гиблых местах.

Тревогу Треша окончательно развеял старик, пояснив причины безопасного ночлега, а дурманящий запах каши из фасоли, разогретой на огне, манил и перебивал любые думы. Гур сварганил в центре островка большой костер, используя болотный газ и стволы, которые он мастерски отсоединил от трофейного ружья. Просачивающийся сквозь почву флюид создал неугасаемый факел ростом с человека. Судя по всему, старик проделывал это не раз, не боясь распространения пожара или нечаянного взрыва. Этой конфоркой Гур и воспользовался для разогрева ужина. В его котомке нашелся стальной телескопический стакан, тушенка с фасолью, сухари, вяленая рыба и мешочек сушеных грибов. В рюкзаке Треша же витали только воспоминания о парочке негодяев, один из которых совершенно точно успел перейти в категорию «бывших».

– Думается мне, что Саблю тоже убрали. Они всегда вместе бродили, а тут только труп Упса, – выразил вслух свои рассуждения сталкер, швыряя с ложки горячую кашу. – Где-нибудь недалеко тоже валяется. За что хоть их? Они тотем не крали, вроде бы никого не убивали, вечно на кого-то халтурили по мелочам. И дело обычно доводило до конца. Иначе как ответственными я их и назвать не могу. Странно это...

– Ничего странного нет. – Гур чистил рыбу, смачно обсасывая плавники. – Если их смерть связана с тотемом, а она явно связана с ним, то живые свидетели и исполнители заказа стали не нужны. Тем более из них ничего не смогли выудить и завладеть тотемом тоже не смогли. Только вот кто в этих краях может делать «мокрые» заказы? Тебе видней, Данилка. Ты же

у нас VIP-кортежем иногда занимаешься. Покумекай на досуге. И наперед проработай тактику и ПДД.

– Что?..

– План дальнейших действий. И вообще схему в голове набросай, как и с кем ты будешь себя вести, общаться, что говорить, а что нет. Кого стоит сторониться или избегать, а кому отдать предпочтение и довериться. Но думаю, пора завязывать с работой на сильных мира сего – чревато это, не вычислив убийцу подставивших тебя ублюдков, да и некогда теперь будет. Ешь, ешь... чего глядишь на меня так? В дальний путь тебе пора собираться, сынок. Надолго и очень далеко.

– Думаешь?

– Уверен. Ты же хочешь найти отца? Вижу-вижу, знаю-ю... хочешь! Вот тебе такая возможность и предоставляется. Заодно надо раскрыть тайну легенды, придуманной нами – оставшимися на этой грешной земле. Что ты такую мину состроил? Да! Я про Рай – этот волшебный уголок за границей Пади. Только это он среди нас зовется Раем, а на самом деле, похоже, кличется совсем по-другому.

– Ты сам точно не знаешь? Откуда вообще слухи?

– Я ж в разведке служил, парень! В самой главной и самой крутой службе страны. И был в курсе всего, над чем работало наше ведомство, что искало и что изучало. По крупицам собирали инфу о любых вражеских достижениях, о любом оружии, способном нанести вред Родине и миру в целом. Были тревожные звоночки и слухи о таинственном объекте на территории нашей страны, у самой границы с Украиной и Белоруссией – якобы внеземном древнем комплексе, своего рода орудии уничтожения и созидания одновременно. Все материалы по секретному делу были, конечно, зашифрованы и недоступны, поэтому даже я только немного наслышан об этом. Да и уверен, что вообще никто толком не знает, что это, откуда и для чего на нашей планете. Но однозначно можно сказать, что штукавина эта действительно существует, причем до сих пор не найдена и не изучена. Она явно огромна и сильна. Но вот где именно находится, что представляет собой и чем обладает – этого не знаю ни я, ни кто-либо еще.

– И? – Треш нетерпеливо взбодрил замолчавшего старика, перестав жевать сухарь. – При чем здесь мой отец? Он что, работал над поиском этой хреновины?

– Нет. Но... но я думаю... нет, я почти уверен, что он причастен к этому Раю. – Гур запнулся и, чтобы отвлечься от забурливших в голове мыслей, вцепился зубами в рыбий хребет.

– Чего-о-о? Раю? А он вообще существует? – Сталкер нахмурился и перестал есть. – Дед, давай рассказывай все. Так не годится. Либо все и сразу, я выдержу, либо вообще ничего не говори, я сам по себе буду искать отца.

– Скажи, сынок, а ты веришь в его существование? Ты уверен, что стоишь на правильном пути? Может, он давно поги... гм... может, он далеко за Уралом, там, где, говорят, сохранились базы военных, где робят РЛС и где твой дом... Ты же родом из Сибири? Из Шумени?

– Да. Гур, ты давай тему не переводи. Рассказывай все. Про Рай этот, про отца, про себя. И будем потом кумекать, что делать и куда идти. Только тотем я все же верну поселенцам. Не годится таскать его на хребтине, сгущать подозрения и стягивать волков из человеческой среды. Ну... тех, которые прямо зубами рвутся к этой реликвии и готовы на все ради владения ею.

– Кстати, дай-ка мне его сюда. Осмотрю хоть... подержу в руках идол Пади.

Гур распаковал сверток, смутно похожий на протез ноги, вертикально поставил ношу на колени, и взору обоих предстала удивительная и необычайно притягательная красота. Вырезанный из темно-красной древесины неизвестной породы, разукрашенный и отделанный драгоценными камнями с металлическими вставками, тотем действительно походил на диковинный идол-амулет из древних сказок. Огонь костра играл на его самоцветах, завораживая

радужным блеском и вызывая неподдельное восхищение. Каждый элемент тотема, будь то резной изгиб или камушек-минерал, притягивал взор, погружал в думы и мечтания. Чем дольше человек смотрел на волшебное изделие, тем быстрее и незаметнее уносился в мир грез. Повидимому, не только внешний вид тотема обладал необыкновенными свойствами, что Гур и не преминул озвучить:

– Должен быть еще какой-то прикол в этом божке. Я как старейшина Северного форта маленько разбираюсь в магии и промывании мозгов поселенцам, с использованием всех мыслимых и немыслимых способов воздействия. У Западного форта свое чудо – эта красивая на вид бандура. Но у всех подобных вещей должен быть хоть какой-нибудь секрет, – дополнил Гур, вертя деревянную инкрустированную камнями фигурку древнего божка, обнюхал ее, потер и поковырял пальцем.

– Не испорти его, – взволнованно бросил Треш, привстав от волнения с колен, – все-таки реликвия моего поселения... К нему еще амулеты идут, которыми тотем обкладывают на алтаре крепости.

Старик поднес ближе к огню метровую статуэтку, внимательно разглядывая все ее изгибы и загогулины, чмокнул языком и стал увереннее и тщательнее сдавливать и крутить. Он кивнул, успокоил сталкера примирительным жестом руки и, высунув от усердия язык, как мальчишка, пытающийся найти спрятавшийся край на слипшейся обертке конфеты, продолжил осмотр деревянной статуи, чем невольно заставил улыбнуться. В отсветах пламени его физиономия очень походила на вырезанный в деревянном рельефе тотема лик неизвестного божка.

Треш проглотил комок в горле, не веря глазам, и в следующее мгновение вздрогнул. Гур нашел невидимую резьбу реликвии, провернул верх изделия против часовой стрелки и аккуратно разъединил тотем на две части.

– А-бал-де-еть! – Сталкер даже руку протянул, но вдруг отдернул ее, поспешно огляделся вокруг и снова уставился на две половинки священного идола. – Что там?

Старик, сам вдохновленный и удивленный эффектом, осторожно продолжил манипуляции с изучением тотема. Ненужную часть отложил в сторону, а нижнюю немного потряс, наклонив под углом. Из пустотелого нутра на колени, прикрытые рясой, выпал продолговатый мешочек то ли с песком, то ли с землей. После тщательного исследования обеих половинок идола ничего больше в них не обнаружилось, а вот странный холщовый мешочек привлек внимание. Особенно когда обжег ладонь старику и из обычного состояния превратился в слегка надутый тканевый пузырь, источающий мягкий теплый свет и нагревающий воздух вокруг себя.

Путники недоуменно переглянулись, затем снова уставились на необычайную штучку-вину. Коричневатая ткань, мудреная завязка, податливая мягкая структура, незнакомый запах.

– В подобных мешочках раньше дорогой кофе продавали в специализированных магазинах. Не иначе артефакт! Обожди-ка... – задумался Гур, почесав косматую седую голову. – Так это же «изоплит»! Редкий артефакт Пади.

– Ну, слышал про такой. Только тут, похоже, горсть земли в пакетике... Что тут диковинного? – вздернул брови Треш.

– По слухам, там не простая земля, якобы это часть волшебной кучки, привезенной в тележке Святым Копателем из Запретных земель. Это легенда, но...

– Похоже, анекдот, а не легенда! – хмыкнул Треш, автоматически дуя на ложку с остывшей кашей.

– Может быть... может быть. Но артефакт явно действующий. Посмотрим, что он умеет и так ли фантастичен, как в народе говорят.

– Ты про способность «изоплита» прокладывать путь и находить под ногами твердь?

– Именно так. Давай испробуем? – Глаза старика загорелись озорным интересом.

– Я бы доел сначала. Да и где в этом болоте его испытывать? – начал было Треш, перехватил лукавый взгляд Гура и поперхнулся. – Ты... серьезно?! Здесь, в трясиных, «изоплит» сможет показать дорогу?

Гур кивнул, вскочил с ловкостью молодого, держа перед собой зажатый нунчаками артефакт. Сталкер поспешил за ним к краю качающегося островка. У мутной темно-зеленой воды оба остановились, перешагнули натянутый шнур, присели на корточки, перебирая стопами в проступившей под ногами болотной жиже.

– А он не одноразовый, как многие из артефактов? Вдруг сработает – и все на этом? – поинтересовался Треш, переводя настороженный взгляд с темени болота на диковинку.

– Не должен, потому что это необычный артефакт. Подобных вообще единицы – тех, что можно многократно использовать. Не знаю, как им пользоваться, но, следуя логике и знаниям физики, предполагаю... Ну что, пробуем?

– Угу.

Старик медленно поднес к воде нунчаки с артефактом, держа их чуть выше, видимо, боясь замочить. Потом повернулся к сталкеру, нахмурился, что-то соображая.

– Поди, ниже нужно? Окунай, – прошептал Треш и затаил дыхание.

– С Богом! – сказал Гур и опустил «изоплит» в воду.

Под ногами тут же гулко тукнуло, весь островок чуть колыхнулся, во все стороны пошли едва светящиеся круги. И не только по воде, но и по воздуху. Звуковая волна низкой частоты удалилась, по верхушкам камышей и травы пробежался ветерок, а в восточную часть Куцега болота чуть ниже поверхности воды от ног путников пролегла темная полоса – прямая, словно шоссе́нный тракт на равнинной местности.

Гур отдернул руки, извлекая артефакт, с которого даже не закапало. Положил мешочек на примятую траву полянки, мимолетно переглянулся со сталкером и, протянув ладонь к темной полосе, пальцами надавил на нее.

– Пш-ш-ш, – он издал резкий звук губами, отчего Треш ойкнул и испуганно отшатнулся, глядя на все ошарашенными глазами. – Шутка! Извини, сынок!

– Ну... дед... ты, блин, даешь! Напугал, ексель-моксель. Уф-ф... – Сталкер выдохнул и принял прежнюю позу рядом со стариком.

Тот зашлепал рукой по черной дорожке, брызгая во все стороны, но под его ладонью ощущалась твердь.

– Ого-о-о! Вот это номер... Вот это супер! – воскликнул Треш, уже не сдерживая восторга. – Че, правда, значит? Вау-у! Дай-ка я...

Он нагнулся и уперся в виртуальную, но плотную дорожку обеими руками, надавил, отпрянул и вскочил, радуясь, как ребенок. Поляну и все болото огласил его радостный крик, эхо полетело далеко до кромки леса, заглушив на время местную живность. Страх и осторожность уступили место неподдельному восторгу и громогласным восклицаниям. Гур тоже вслух поражался увиденному, но менее шумно, чем его молодой спутник. Пока сталкер скакал по островку, а затем ковырял сухим стеблем абсолютно сухой, приятно пахнущий мешочек, лежащий на нунчаках, старик разулся и босиком залез в воду. Ряска расступилась под его ногами, дорожка приняла его, держа на поверхности болота. Невидимый мост пролегал до самого леса, чернеющего вдалеке.

– Чудо-о! – прошептал Гур, обернулся к сталкеру, улыбнулся, потирая бороду и тряся патлами. – Вот диковинка, а! Хорошая штукавина. Пригодится тебе, сынок.

– В смысле? – Треш выпрямился и серьезно взглянул на знахаря. – Мы не засунем его обратно и не отдадим поселенцам?

– Не-а. Он тебе больше пригодится, а отдать всегда успеется. Вернем... – Старик на секунду прищурился, закусил губу, потом цокнул языком и продолжил: – Я верну тотем

в форт целым и невредимым, расскажу все им и сниму с тебя вину. Тебе идти туда нельзя. Однозначно! Тем более... тем более это знак свыше!

– Что знак? Какой знак? – Треш протянул руку и помог старику выбраться на островок.

– Этот «изоплит» явился знаком, указывающим истинно верное решение. Что, не понимаешь? Тогда объясняю: у меня в Северном форту хранится другой артефакт – «роса». И тоже в тотеме, только в другом, не похожем на этот. По легенде эти святые артефакты являются ключами... гм... ну, или пропуском в Рай. Это «изоплит», «роса» и «аура». Очень необычные и диковинные артефакты! Тот, кто обладает всеми ими, сможет найти Врата и попасть в иной мир.

– Чего-о? Гур, ты случаем не нанюхался этой... антикомариной мази? Ой, извини... слушаю.

– Давай продолжим трапезу, а утром посмотрим, сохранилась ли дорожка в болоте. Если да, то ею и воспользуемся. Тебе она по пути, а я крюк сделаю, но ничего... терпимо, – предложил старик, усаживаясь у костра и заворачивая «изоплит» в фольгу.

– Короче, рассказывай, дед! Чтобы непонятно не было, все по порядку. Иначе я свихнусь, – попросил Треш, плюхнувшись задом на пучок сухой травы рядом с огнем.

– Ты и так свихнешься! – съехидничал Гур и, отпив из кружки крутой отвар, начал рассказ: – По преданию, Рай – это чистый уголок, где легкая жизнь, нет крови, врагов, болезней и голода. Где он находится, если вообще существует в природе, никто не знает. Вроде бы кто-то когда-то и находил его, добирался туда, случайно ли или специально, но... Но живым никто не возвращался! Значит, что? Либо эти первооткрыватели остались там, наслаждаясь новой жизнью и счастьем, либо...

– ... сгинули на фиг! – вклинился Треш, усмехнувшись.

– Не перебивай меня, не люблю! Выслушай до конца, а уж потом вопросы, критика, негодование, эмоции и прочая лабуда. Лады?

– Заметано. Сорри. Продолжай, мне правда интересно.

– Возможно, и погибли, откуда нам знать. Так вот... По моим предположениям и расчетам, следуя логике сбора и анализа данных ГРУ еще тогда, до Судного дня, этот пресловутый Рай... существует на самом деле! И, может быть, он называется по-другому, выглядит как-то иначе, чем мы, ныне живущие, его представляем. Но какая-то штукавина за пределами Пади все-таки есть. Однажды мне в эфире довелось стать свидетелем короткой оборванной фразы гибнущего пилота, который облетал южную часть Пади, разведывал границы ореола мутаций. Да, сынок, именно мутаций. Центр коренных изменений находится где-то далеко на юге, в районе Больших Луж, там, где расположена Дуга – гигантская аномалия в виде полукольца Сатурна, этакая огромная радуга из непонятной материи. Эта аномалия не просто опасная, а словно сознательно убивающая, калечащая, испепеляющая периодическими Вспышками и заставляющая мутировать все живое, попадающее под ее воздействие. Проклятый уголок земли, адское местечко, но... Природа намного дальновиднее всех нас. Созданная неизвестным нашей цивилизации способом Дуга – это «минус», но наверняка где-то рядом с ним обязательно образовался и «плюс» – Рай. Кто там кого стережет, пока не ясно, однако то, что они должны быть рядом, – неоспоримо и логично. Найти Рай способен лишь тот, кому будет явлено знамение, кто чист душой и силен духом. И даже найти его еще недостаточно! Чтобы попасть туда, как я уже говорил, нужно собрать святые артефакты: «ауру», «изоплит» и «росу». И все бы ничего... Но путь к Вратам Рая труден, далек и опасен. Они находятся под защитой Дуги. А еще... еще их охраняют Стражи – то ли сильные воины, то ли страшные чудовища, о них известно только по слухам. Кто-то свыше тщательно оберегает древнюю и, как мне кажется, внеземную тайну, спрятанную на опустошенной теперь Земле. Ведь не могла эта аномалия появиться из ниоткуда и просто так? Точнее, две аномалии минимум: Рай и Дуга. Последнюю, кстати, видно издалека. Нет, не отсюда, можешь не зыркать вдаль и не забираться

на высокое дерево. Ее видел пилот-разведчик, погибший в волне Вспышки, но его тут же ослепило, и он исчез вместе с разваливающимся аэрокаром. В ушах до сих пор стоит его крик. Он успел сообщить о гигантской Дуге, аномальном пси-излучении, вспышке яркого ослепляющего света, о потере видимости, об отказе техники и... Что-то он успел заметить еще, точнее, кого-то – то ли дракона, то ли гарпию. Черную, крупную, стремительную, выпорхнувшую из облака рядом с кабиной. И все, связь оборвалась.

Не знаю, что произошло на самом деле, но слухов после этого возникло много. И вопросов. А ответов нет, и доказательств тоже. Поэтому я и хочу, чтобы ты отправился туда и выяснил, что и к чему. Да, Данилка, именно ты! Не смотри так на меня. Потому что я не уверен полностью, но с некоторых пор подозреваю... Искать твоего отца нужно там, где Врата Рая.

– Почему же искать нужно именно там?

– Ну... разведка донесла.

– Я серьезно, дед! Не нужно так шутить. Я его уже не один год ищу, а уж сколько лет мы с сестрой ждем хоть какой-нибудь информации о нем...

– Прости. Согласен. Не то сказал. Тебе сложно понять будет, но... но совсем недавно достоверный источник доложил. Бывший мой подчиненный. Он служил с твоим отцом, с Никитой, а потом их пути разошлись. Информация скудная, только то, что он жив и отправился покорять Рай. С ним еще один боец из той боевой группы специального назначения, которую в две тысячи шестом году я отправил в Зону. Ты и про Зону не знаешь?

– Как не знаю? Много слышал, изучал ее в инете и литературе, по рассказам очевидцев и сталкеров, побывавших в ней. Сам собирался пойти вольным, как только повзрослею, но... не получилось. А потом и Судный день настал.

– А-а, тогда про Зону, которая после Судного дня стала Анклавом оставшихся в живых, я не буду рассказывать подробно. Там произошло нечто невообразимое и из ряда вон выходящее. В Зоне всегда творилось что-то странное, но такого не было никогда. Зона устала, выдохлась, потеряла силу, власть и таинственность. На Большой земле ее перестали называть Зоной, считаться с ней, беречь. После Судного дня Зона действительно превратилась в Анклав. Короче, Катаклизм поменял многое, произвел рокировку: на Большой земле настал Хаос, а Анклав, наоборот, разросся и превратился в особый район с лучшими условиями для жизни. Мутанты ринулись наружу из разорванного Купола, аномалии потухли и частично исчезли без Выбросов со Станции, которую еще тогда уничтожили местные аборигены. Говорили про какую-то группировку «Неприкасаемых», которую возглавлял вольный стalker Корсар. Она-то и ликвидировала в сердце АЭС секретную установку, цепная реакция взрыва которой вызвала разрушение всей Станции. Источник энергии, питавший Зону сорок лет, потерял силу и самоликвидировался. Хотя, по моим предположениям, большая часть мощи ушла по Разлому в другое место. Уж где она выплеснулась позже, мне невдомек, но, судя по скорому Судному дню, могла стать и причиной всего Катаклизма. Ладно, это я ушел в сторону. Так или иначе, но твой отец, получивший задание найти источник необыкновенной энергии, способ его использования для телепортации и собрать все сведения о Зоне, канул в небытие вместе со всей группой и несколькими штатскими, освобожденными из чеченского плена. Кстати, с Истребителем отправились хорошие парни и отличные бойцы! И я много лет терзаюсь тем, что послал их на практически невыполнимое задание, по сути, на смерть. Поэтому на мне лежит не только ответственность за их жизни и судьбы, но и за судьбы их семей. Известия о них...

Старик вздохнул и промочил пересохшее горло, отпив из кружки успевший остыть отвар. И вышедший из задумчивости Треш решил вставить слово:

– Извини, Гур, но можно один вопрос? Сильно мучает меня одно подозрение... Вспомнил вдруг сейчас, когда ты заговорил про группу отца. Ты не помнишь фамилии тех бойцов?

– Как отче наш! Все они до сих пор перед глазами моими: лица, фигуры, фамилии из списка и позывные. Сейчас... минуточку...

– Скажи, там был солдат по фамилии Челимов? Вэ Челимов! – Треш напрягся и привстал, перестав жевать грушу-дичку.

– Как же! Был прапорщик у Никиты с такой фамилией. Имя не помню, но фамилия точно Челимов. Радистом у него значился. Гм... даже позывной у него... э-э... от хантейского поселка... Яро-Ях... нет... а-а... Пыть-Ях. Да-да, Пыть-Ях точно! А что?

– Я нашел шлем этого Пыть... Челимова Вэ. Причем в хабаре ренегатов, пришедших за этим вот тотемом из Южных земель, из района... – сталкер вскочил с гримасой дикого удивления, – так, е-пэ-рэ-сэ-тэ ж ты мой! Студень про Низину и сектор Больших Луж заикался! Куда ты пророчишь мой поход! Во-от ты ж бли-ин...

– Ну, вот видишь, еще одно доказательство того, что отец твой может находиться *там*. А ты, поди, старику не верил, а?!

Треш вскочил на ноги и заходил по островку взад-вперед, недоумевая, пытаясь собраться с мыслями, что-то забормотал под нос, растрепал на голове волосы, заскрежетал зубами. Потом так же резко уселся, отдышался и попросил Гура продолжить рассказ.

– Про Дугу больше ничего не знаю. Одно ясно: мутанты все интенсивнее прут оттуда по всей округе, раз уже даже огарка встретили в наших землях.

– Так и Чашоба мутировала давно. Иногда идешь и поражаешься – почему еще деревья с кустами не начали ходить, как тот огарк. А воронье? А звери?

– Ну, огарк – это не совсем растение. Скорее, симбиоз растения и животного, получившийся под воздействием Дуги. Лес стал смертельно опасен по другим причинам, не из-за Дуги. Это уже наша вина: решили использовать ядерные и химические запасы, пытаясь уничтожить разрастающееся нашествие аномалий и монстров. Ладно, это другая история, о ней поговорим как-нибудь позже. Давай пока исходить из существующих реалий. Прибыли бандиты, допустим, из сектора Дуги. И прибыли за священным тотемом Западного форта. Спрашивается: на фуя... упс... извини старика... – Гур хохотнул, отпил вновь и увлеченно продолжил: – Зачем им красивая побрякушка из дерева и камушков за сотни – заметь! – смертельно опасных аномальных кэмэ в чужой земле, да еще и хорошо охраняемой? А?! Они местные? Бывали здесь?

– Бывали... мимоходом... А так, залетные они стопудово, дед! Покрошил я их в капусту, да зверье прибрало кое-кого. Студня я узнал, он раньше бывал на Блошинке.

– Та-ак. Хорошо. За дубиной с камнями на фиг им сдался этот поход? – Старик прищурился и подмигнул сталкеру. – А вот если за содержимым тотема?! Вдруг «изоплит» им и понадобился? А?! Могло быть такое? То-то же, сынок! Значит, их кто-то послал сюда, обещая щедро наградить. Значится, этот кто-то хочет заиметь все артефакты – ключи к Раю – и попытается найти другие два. Ага... Есть. Получается, этот нувориш-заказчик не может попасть в Рай, но пронюхал о нем, вычислил секрет и местонахождение всех артефактов... Вот еп!

– Ну, или не всех, а только нашего «изоплита»? – вслух предположил Треш, с полуслова схвативший мысли наставника. – Студень про Демонов проговорился. И про Нумизмата – наверняка он заказчик этих черных делишек!

– Та-ак. Обожди... обожди-и... Если предположить, что заказчик инкогнито, ну, или этот Нумизмат все знает, то он предпримет попытку украсть всеми способами «росу» в Северном форту. Ох, еп-п! А там еще и варвары с севера давят да раздоры внутри поселения. Совет старейшин ослабел со смертью одного, а другой... то есть я – смотался на поиски тебя. Дела-а!

Гур резко побледнел, борода его затряслась, руки не могли найти себе места, шаря по слегка влажной траве.

– Так ты правда там старейшиной состоишь?! – вытянул лицо Треш.

– Конечно. Данила, плохи наши дела. Разделиться точно придется. Тебе на юг, мне на запад, потом на север. Я верну в форт тотем без «изоплита», если проверят, наплету

с три короба, по пути придумаю. Кстати, ружье этого твоего Упса пригодится, точнее, то, что от него осталось.

– Он не мой!

– Как?

– Он, говорю, не мой. И как оно пригодится, это барахло разобранное?

– Скажу, нашел тело его, ружбайку разбитую, тотем рядом. А вот что было внутри, типа, не ведаю. А там что-то было?

– Ну, вроде неплохая отмазка.

– А то! Так. Далее я дуну, насколько позволяют мои старческие немочи, на север. Предотвращу кражу тотема и «росы», выну артефакт и двину за тобой. Мне повернуть этакое дельце не составит труда, я же там свой. Ничего, потерпят мои друзья, нас там от варваров и болезней не артефакт святой сдерживает, а сплоченность. А до того дружба, которая сейчас чего-то нарушилась и трещины дала. Ладно, это мои заботы. Разберусь.

– А сможешь один-то?

– Парень, да ты еще плохо знаешь генерала ГРУ, да еще и опытного гуру, знахаря и проводника! Я Падь излазил вдоль и...

– Все-все, понял, сдаюсь. Я про путь одному с нунчаками и мазью от комаров через всю Падь в локацию Больших Луж. А?

– Чай, не сосунок, доберусь, етить твою налево! Может, кого сманю в походик, не совсем уж без друзей-товарищей остался. Да и тебе одному не стоит чесать по Пади.

– Э-э, не-ет, старик! Я точно один пойду. Мне попутчиков не нужно. А то либо тянуть хвостом будут, обузой, либо такие, как Упс и Сабля, попадутся. Не-е, я один.

– Один в поле не воин! Данилка, знаешь такое крылатое выражение: «Хорошо быть свободным, когда ты не один»? Эрих Мария Ремарк сказал когда-то. Правильно сказал. Ты любишь свободу, волю, простор. Но ты все это ощущаешь, когда вокруг кто-то есть, за твоей спиной, возле плеча, рядом. Все познается в сравнении. Станет тебе плохо – рядом друг, надежный и верный.

– Да нет у меня друзей настоящих! Нет, слышишь, дед? Их вообще, похоже, в нашей Пади нет. Все скурвились на второй день после Судного. Дрались за последнюю тряпку, кусок еды, каплю воды. За топливо и укромное место. А другие тоже дрались. До смерти. За детей своих, за семьи, домашний очаг. И проиграли. Почему? Да ты и сам знаешь и помнишь, почему! Потому что тяга к выживанию намного сильнее всего остального. Испарились гуманизм, доброта, отзывчивость, взаимопомощь, любовь. На смену им пришли ненависть, злоба, отчаяние, страх, голод и смерть. Вчерашние друзья стали врагами, алчными и злыми охотниками, убийцами, канныбалами, изуверами. И ты хочешь, чтобы я среди таких уродов нашел себе попутчиков в поисках отца? Да они при виде моей снаряги уже будут размышлять – кончить меня сразу или ночью, после сказки на сон грядущий. У меня сестренка только осталась – единственный человечек, которому я могу доверить все... даже жизнь. Но не ее же я буду просить пробежаться через всю Падь, мутантов, бандитов и аномалии, чтобы... Бли-ин! Старик, о чем ты?

– Мда-а. Понимаю тебя, сынок. Ладно, тогда не буду рассказывать про песчинку, убивающую человека. Тебе виднее. Ты не малец, не зеленый дух. Выживать научился, и ладно. Будем строить план дальше?

– Будем, дед. Я даже уверен теперь – обязательно будем!

– Значит, первый мой тебе совет. Надеюсь, советы-то принимаешь от древних наставников? Хорошо. Ладно. Возьмешь «изоплит» и ни одной душе, ни одного словечка про него. Никому! Слышишь? Спрячь хорошо, хоть между ягодок своих засунь, но чтобы – ни-ни. Иначе это станет дополнительным стимулом для преследования тебя и причиной тебя убить. Второе – возьми путь на город Оружейников. Пройди через него, не поленись. Прикупи нужных вещей

на местном рынке, оружие по нутру, БК, снарягу справную. Может, и связями нужными обзаведешься. Скажи, что идешь в Черноморье искать счастье. О, ладно, ладно... пошутил я. Ты же один. Понял. Короче, сам там разберешься. А то с дюжиной патронов, бумерангом и ножиком, знаешь ли, дай бог до гор добраться. Артефакты собирать не брезгуй, продавай их, особо не торгуясь, меняй на воду и еду. В этом, надеюсь, разбираешься. Будешь в городе – по рации дай шифровку мне. Я код и позывной сейчас дам. Нейтральную инфу отправь, без имен, названий, только новости и где ты. Вдруг еще состыкуемся? Если что, путь дальше держи на Дугу. Ее увидишь издалека, когда спустишься с гор в Низину. Но будь предельно осторожен – не подходи к ней близко, у меня подозрение, что нечисто там и более чем опасно!

– Ха, старик, тут везде опасно!

– Там куда хуже! Слышишь? Аномалия необычная, ареал ее действия неизвестен, но, видимо, обширен. Не лезь туда, нет там Никиты. А вот где он – твоя задача выяснить и найти следы. Там и я подспею. Короче, найди Врата и Рай. Думаю, отец твой там.

– А какие они могут быть, эти Врата? Как узнать?

– Да хрен его знает! Знал бы, может, давно бы уже там был. Скорее всего, они скрыты, хорошо замаскированы, поэтому нужно будет очень постараться их найти. Артефакты, наверное, должны помочь. Может быть, доведется найти тебе «росу» и «ауру», не дожидаясь меня, но сдастся мне, просто так они не встречаются в природе, не зря кто-то их упорно и настойчиво ищет в Пади. Видимо, эти вещи находятся только в тотемах фортов. А если «роса» в Северном, то, вероятно, «аура» покоится в Южном или Восточном фортах. Тогда придется кому-то из нас держать путь в Воронеж-град или на Урал. Мда-а, терниста будет такая дорожка...

– Чем обладает «изоплит», я уже увидел. А какие свойства у «росы» и «ауры»?

– Ну, не думаю, что прокладывать верный надежный путь – единственная способность «изоплита». Остальные его свойства наверняка выяснятся позже. Главное назначение «росы» – управлять водой или какой-либо другой жидкостью. Артефакт может одинаково успешно обеззараживать ее, переводить в другие агрегатные состояния, а еще находить, добывать и правильно использовать. «Роса» – это артефакт, который никогда не навредит человеку, обладающему им. Запомни, сынок! Никогда. Вероятно, остальные две диковинки так же ведут себя – действуют только во благо их хозяину. Свойств «ауры», к сожалению, не знаю, но догадываюсь, что они связаны с воздушной средой, с кислородом либо атмосферой. Вообще, все три артефакта будто являются символами разных стихий. «Изоплит» – олицетворение твердыни, плоти, прочности, «роса» – жидкой среды, текучести и... ну... водной стихии. «Аура», видать, как-то связана с воздухом, атмосферой. И, как видишь, все три символизируют основу жизни человека: почву, по которой мы ходим, воду, которую мы пьем и не мыслим без нее жизни, и, наконец, воздух, которым дышим. Сюда бы для полного счастья символ огня добавить, но про четвертый артефакт я не слышал. Знаешь что, Данилка? Собирай все артефакты, какие найдешь по пути. Попадутся одинаковые – продавай, меняй. А единичный экземпляр не гнушайся прикарманить и донести до конечной цели. Лады?

– Ха, а складывать и таскать я их в кармане вот этой куртки буду? Тут нужен специальный пояс. С контейнерами для артефактов.

– Приобрети в городе Оружейников. Там все можно найти для рейда.

– Есть, товарищ генерал. Будет исполнено! – козырнул Треш и лукаво улыбнулся. – Горы сверну ради отца, реки вброд перейду и преграды насквозь, но...

Где-то недалеко раздался всплеск, будто играла огромная рыба. Оба путника насторожились, прислушались, пытаясь разглядеть темень за контуром яркого пламени. Рыба в болоте не водилась, и ничего хорошего в этом звуке тоже не было.

– Вольно, боец! Крокодилов нам только не хватало на ночь.

– Скажешь тоже, старик. Какие, к черту, крокодилы в Пади? Слушай, а проложенной дорожкой никто ночью не воспользуется, чтобы добраться до нас посуху?

– Очень надеюсь, что нет. Ее не видно в темноте, никто не знает... не-е, не бойсь, парень! – Гур перестал вглядываться в сумерки, отпил травяного настоя и продолжил: – Так, по артефактам ясно вроде все. Аномалии тоже, думаю, различишь, усечешь, не вляпаешься. ПДА есть? Хорошо. Используй чутье, ты же следопыт. Про «дистилляты» слышал? Ими весь юг Пади утыкан. Положительные аномалии, этикие воздушные отстойники среди остального дерьмеца. Их в сумерках видно невооруженным глазом, днем нет. Со стороны – будто фонтаны пара или белесые гейзеры. Видом своим пугают, вроде бы отгоняют живность, но на самом деле весьма гостеприимны и безопасны. Устанешь с дороги или спрятаться нужно будет – возьми и нырни в такую штуковину. Там спокойно и тихо, она защитит от любой напасти. Ни зверь, ни пуля, ни гроза не страшны. Чистый воздух внутри, нормальная температура и влажность, при этом все видно, что творится за бортом, а тебя снаружи не увидят. Но «дистиллят» живет только ночь – от заката до рассвета. Появляется с приходом темноты и исчезает при первом прогреве воздуха солнцем. Увлечешься снами про голых амазонок, глядь, защиты уже нет, а рядом альбинос или рогач тебя сторожит, поджидает. Так что имей в виду это! И еще: «дистиллят» помещает в себя только одного гостя, затем включает защитную оболочку, не пуская больше никого. Выскочишь ночью по-маленькому, обратно сунешься, а там уже место занято крысой или чудилой каким-нибудь залетным. Или уходишь от погони, например от стаи псевдоволков, заприметил отстойник такой, а там уже занято. И крышка. Короче, бди. Дальше идем. Насчет мутантов не мне тебе рассказывать, но в секторе Дуги появятся представители фауны и флоры, которых ты, возможно, еще не встречал и не знаком с ними. Не нужно гладить кошечку, если не видел такую раньше...

– Дед, ну че ты со мной как с дитем? Ясно-понятно. Поди, разберусь. Какие, на фиг, кошечки?

– Усек? Хорошо. Тады не забывай про троглодитов и чумаков. С огарком ты уже знаком, огня он не любит, да и смотаться от него можно. А вот троглодиты – это посерьезнее будут чуваки. Они семьями орудуют, пещерными кланами. Страшны на вид, невероятно сильны, отличные следопыты и жертву гонят до победного. Похлеще волчар.

– Охотники? Люди?

– Не совсем, Данила... Они типа неандертальцев, полулюди, на обезьян похожи. Держатся семьями, в лесу не живут, но для охоты могут забрести. Обитают в пещерах, гротах, ущельях. С ними не договориться, культуры – ноль, мозгов хватает только на добычу жратвы. Так что не лезь в горы, не суйся в разборки и не затевай с ними войнушки, увидишь – чеши оттуда сразу, иначе будут преследовать до потери сознания. Видишь, как в природе странно все? Зверья страшного и мутантов меньше стоит бояться, чем двуногих собратьев. Потому как кроме троглодитов еще много врагов среди людей. Прежде всего чумаки. Не ужасные на вид, без оружия, типа зомби, но...

– Слышал про них. Переносчики чумы. Обреченные умирающие больные, мозг которых уже разрушен опухолью, поэтому целью их последних дней становится поделиться по-братски проблемой с другими, здоровыми людьми. Так? – Треш тяжело вздохнул и грустно улыбнулся. – Сколько же уродов на земле нашей стало после Судного дня! Сколько грязи-и...

– Поверь мне, сынок, этой грязи и до Судного дня хватало! Только никто не боролся с ней – не замечали или делали вид, что в мире все в порядке. И после Судного дня все это вылезло, смело остатки былой цивилизации. Да-а... сами все похерили! Сами утопили, сожгли, расплодили. Сами...

На болотах снова шумно чавкнула трясина. То ли газы вырвались, то ли гадина какая шевельнулась в жиже. Гур подобрал под себя ноги, вытер усы и бороду, пробурчал что-то нечленораздельное, затем снова уставился на зеленоватое пламя костра, вырывающееся из почвы островка. Огоньки играли в его зрачках, необычный с переливами свет придавал старику вид колдуна из далеких сказок, вроде Гэндальфа из кинотрилогии, любимой Трешем

в юности. Сталкер поднял голову, разминая затекшую шею, и заметил высоко в черной бездне сверкнувшую звезду. На душе сразу стало светлее и теплее. Он маленьким любил подолгу смотреть в ночное небо, даже пробовал считать звезды, следил за ними и пробегающими по небосводу спутниками, ловил кайф от мелькавших метеоритов. Не поленился и сейчас встать, выйти из круга освещения костра, мгновенно окунувшись в холодный и непроглядный мрак ночи. Уставился наверх, любуясь красотой небесной шири. Вся глубина необъятного космоса, насколько хватало зрения, была усыпана мириадами звездочек: красноватых, желтых, голубых, белых. Мигающих бриллиантовым блеском, искрящихся, томно зовущих за собой мелькающими трассерами, бледных и скромно утопающих в туманностях и пелене далеких облаков. Отголоски Млечного Пути кривым белесым разливом пересекали южную часть неба и тонули далеко-далеко в темной бесконечности. Это ночное диво звало, тянуло, окунало в мечтания и грезы и ни капельки не страшило. Наоборот, успокаивало и расслабляло.

– Лепота-а! – промолвил тихо вставший рядом старик, запрокинув голову так, что борода вытянулась почти параллельно земле. – Я иногда, бывало, тоже выходил из штабной палатки в горах Кавказа, любовался Вселенной и строил планы на жизнь. Пролетающие спутники видел, гордость ощущал за достижения в науке и технике. А сейчас, поди-ка, не видать и вшивого спутничка связи. А? Где-то же пара вращается еще на орбите планеты, запущенная еще до Судного дня. Законсервированных станций и орбитальных узлов немало было, со сроком годности в тридцать годков. Ладно, хоть позволяют Модератору снеживать какую-то инфу по атмосфере и климату, давать связь на вшивые приборы Пади, и то хорошо. Не все еще похерили!

– Да-а, – мечтательно промычал Треш, оторвался от красот ночи, вернулся к огню, зябко поеживаясь, и попросил старика продолжить уроки.

– Уроки! Юморист ты, Данилка. Как твой отец, ей-богу! Значится, так... – Гур присел рядом, укутываясь полами рясы, – группировки вообще и явные враги в частности. Прошу к этому отнестись серьезно, ты ведь и сам не понаслышке знаешь большинство аборигенов Пади. Вкратце расскажу об основных кланах «Страйк». Мобильная группировка молодых стрелков, бывших любителей пейнтбола, страйкбола, хардбола и всяких там лазертагов. Юные, дерзкие, часто чересчур наглые, амбициозные, бесшабашные любители пострелять не во что-то, а в кого-нибудь. Могут дружить со всеми, а могут ни с кем. Для достижения задуманного сильно далеко от базы не уйдут, но тупо покрошить врага или тех, кто чем-то не понравился, – это легко. Одного лидера нет, есть Тройка Лучших из Лучших, которая строит планы, командует всеми и принимает все решения. Парни молодые, максимальный возраст до двадцати пяти лет. База восточнее города Оружейников, в дюнах Реки. Численность непостоянная, от взвода до двух. Обрати на них внимание, Данила. Причем заранее... минутой позже, может статься, будет поздно!

Далее – «Каскад». Оседлая группировка из добровольцев, местных жителей, пришлых волонтеров, бывших пожарных, МЧСовцев, ВОХРовцев, дружинников и так далее. Во главе Совет Сильных из десятка человек. База этих на Плато Зеро, что к югу от Куцега болота, то есть от нас. Численность до сотни, возрастная категория – старше сорока лет, цель – защита общины и территории. Не более того. Достаточно серьезный укрепрайон, но каскадовцы слабоваты духом и плохо вооружены.

«Вымпел». Дисциплинированная, сильная боевая группа из бывших силовиков: ментов, эфэсбэшников, налоговой и наркополицей. Оружия много. Цели многочисленные. И нападать умеют, и обороняются неплохо. Устраивают рейды средней протяженности. Численность достигает полусотни бойцов, база в излучине Реки и устья Больших Луж. Предводитель – в прошлом подполковник ОМОНа по прозвищу Ярый. Ребята толковые, продуманные, серьезные. Зря палить не станут, но и своего не упустят. С ними можно дружить, если крепко заинтересовать. Имей в виду это, парень.

«Шерхан». Ну-у, эти тебе известны, как и любому другому в Пади! Ренегаты, бандиты, отъявленные отморозки. Сборище бывших заключенных: жулики, мошенники, искатели легкой наживы, моральные уроды, блатные и тому прочее. Обид не прощают, алчны, жадны, хитры. Дисциплины никакой. Численность до двухсот человек. Сумели приручить волков и диких собак. Даже альбиноса прикормили, он их не трогает. Базы единой нет, они всюду, где имеются рынки, маршруты караванов, поселения, злачные места и старательские артели. Пытаются крышевать, лезть не в свои дела, пугать, властвовать, но с переменным успехом. Оружие трофейное, возраст участников от десяти до семидесяти лет. Присутствуют женщины весьма неординарного поведения. Главарь банды – Фараон. Крестный отец, вор в законе и серийный убийца. Кровожаден и вечно зол. Кантуется... то есть обитает обычно за Рекой, хотя его банды промышляют по всей Пади и за ее окраинами. От них откололась другая группировка, «Павианы» – те же ренегаты, но обитающие в степях за Рекой. Поэтому получили другое название – «Заречные».

Большинство военных, оставшихся после Судного дня, сплотились в две армейские части: «Альф» и «Бету». У них своя иерархия, структура, уставы и планы, смежные цели и задачи, но главная – зачистка Пади от отбросов общества. Хотя при этом сами часто нарушают правила этикета и приличия, бывают чересчур жестоки и циничны. Если зачищают район, уничтожают в нем все живое. Не церемонятся с детьми, женщинами и стариками, больными и инвалидами. Всех под одну косу. Да-а, не та уже армия, не та-а...

Гур замолчал, нахмурился и на время закрыл глаза. Треш с минуту ждал, не сводя взгляда со старика, не вытерпел и прервал молчание:

– И? Про них подробнее можно? А то у меня мало сведений о вояках. Может, отец все-таки среди них? Он же военный, спец по диверсиям и разведке. А?

– Нет. К *этим* военным он вряд ли присоединился бы. Думаю, организовал свой клан и находится в районе Рая. Так. Ладно. Идем дальше. Про вояк, как ты говоришь, тоже немного знаю, хотя и сам бывший генерал... гм... Их базы дислокации и лагеря есть недалеко от Южного форта на той стороне Реки, а также в Низине между Большими Лужами и Платом Зеро. На мой взгляд, удобно расположились, оккупировали весь Южный сектор, контролируя Падь с юга. Кроме боевых столкновений с появляющимся там и сям противником занимаются эскортом караванов, охраной поселений Южного сектора, разведкой дальних территорий Пади, а также поддержкой оставшихся воинских частей стратегического назначения – ракетчиков, РЛС, секретных полигонов. Чужих к себе не принимают, только бывших служивых. Численность до батальона, командир одной из частей в звании полковника, точного позывного не знаю, фамилия Шелестов. Чаше соклановцы зовут просто – Командир или Батя. Другим подразделением командует некий Шершень. Вооружение по нынешним меркам хорошее, дисциплина на уровне, мобильность достаточно впечатляющая, даже транспорт имеется.

Следующая группировка, заслуживающая внимания, это «Демоны». Самая таинственная после ордена «Всевластия», но с видимым религиозным уклоном. По сути, секта фанатиков неизвестной численностью и местонахождением во главе с Нумизматом. Они есть, и их нет. Их люди везде, во всех группировках, поселениях и локациях. Они вездесущи, хитроумны и скрытны. Не ведут открытых боевых действий, но для достижения цели используют все способы, не считаясь с последствиями. «Демоны» – это бывшая сатанинская секта, потерявшая после Судного дня идола, алтарь и все нажитое и святое, связи и тайники. Говорят, после Судного дня Нумизмат стал одержим новой идеей: срочно найти Рай, ключи к нему, установить там свою власть и найти в стержне новой таинственной локации объект поклонения и вдохновения, чтобы править миром. Он свято верит во внеземное происхождение Рая и жаждет скорее завладеть им. Готов на все ради осуществления этой цели. Кто он на самом деле – никто не знает, никто его не видел и лично не знаком. Он не водит дружбы ни с кем, полностью полагаясь на себя и помощь Сатаны. Во всех уголках Пади имеются его уши и глаза, он всю

Падь опутал своей шпионской сетью. Пару раз застукивали его агентов – членов секты, даже видели у них отличительные знаки в виде шестерок на затылках, но потом находили только их сожженные трупы. И...

– Шестерки? Ты сказал «шестерки»?! В виде штрих-кода на шее, ближе к затылку? – оборвал старика Треш, от возбуждения вскочив на ноги. Получив положительный ответ, застонал в муках и негодовании: – Бли-ин. Так мы же с тобой в казематах форта видели такого! Помнишь? Толстяк бородатый в темной рясе и кожанке, бритый надзиратель крепостной тюрьмы. Вырубили его и завладели ключами. Ну же?

– У него был символ Сатаны?! – Пораженный Гур нервно почесал бороду. – Ты уверен?! Там же темно было. Да и как может надзиратель Западного форта... хм... хотя что тут удивительного? «Демоны» вездесущи и разнолики, это не секта, это целый шпионский синдикат, паучья сеть... Точно помнишь? Не путаешь?

– По чесноку, старик! Своими глазами. Блин, что ж ты раньше-то... еп... вот бы поймали этого козла! Все бы выудили, – бесновался Треш, коря себя и свет за такую промашку.

– Выудили? Да уж вряд ли. Ты вообще приговорен был, ждал казни, тебя и слушать не стали бы. А я там вообще призраком из-за тебя появился, никто и ничто. И что мы смогли бы предъявить этому жиртресту? О-о... Послушай-ка, сынок, а ведь Нумизмат, поговаривают, тоже толстый. А вдруг это он сам был? Тогда и я не прощу себе такого прокола! Хотя чего там... они все там на харчах казенных не худые. Ладно, проехали. Доберусь до форта, сдам тотем, узнаю про этого надзирателя, едрить его в печенку! Душу вытрясу, не дай бог он причастен к краже тотема, поклепу на тебя и убийству сталкеров!

– Почему Нумизмат? Он что, коллекционер?

– Слухи ходят, собирает души умерших, точнее, убитых им лично. Среди жертв не только простолюдины, но и громкие имена имеются. Оригинал, мать его в...

– А ты знаешь, Гур, я много нового узнал из твоих лекций. Спасибо. Идем дальше?

– Идем. Так. «Черные каратели». Непотопляемый полковник Хард со сворой штурмовиков. Крайне жестокие, злые, храбрые бойцы. Преданные командиру и надежные, опытные профи. Идеи их и принципы неизвестны и малопонятны. Следов не оставляют, только трупы, кровь, пожарище. Очень сильный враг, если встретить его на пути. По последним слухам, количество их не больше двух десятков, но без труда схлестнутся со взводом «Альфы» или полусотней ренегатов. Имей в виду, сынок!

– Да уж-ж! Не хотелось бы его в недругах иметь.

– А у него нет друзей. Он фанатичный мститель и чистильщик Пади. Такое ощущение, что цель этого «черного полковника» – зачистить весь мир, опустошить, искоренить все живое, остаться одному и... что дальше, не знаю. Неведомо мне. Но отморозок тот еще! База неизвестна, оружие отличное, мобильность высока. Отметь его в памяти красным маркером, Данилка.

– Дальше.

– А кто дальше? «Псы»! Эти не столь серьезны и сильны, особенно порознь. Кучей да, в одиночку... так... пшик. Полудикое племя морально опустившихся людей с луками и копьями. Живут мелкими родовыми кланами от Уральского форта до Плата Зеро. Кочуют, нападают, убегают, на месте не сидят. Редко выходят из леса, на открытом месте слабы и легко поражаемы. Ты, как следопыт и разведчик леса, легко справишься с ними или уйдешь от них.

Барваров с севера, кочевников с юга и сталкеров в счет не беру. Последние – это твоя группировка, а остальные не лезут в сердце Пади, боятся местных, поэтому довольствуются набегами на пограничные поселения и караваны, идущие к нам из других земель.

Больших стай мутантов остерегайся. Гуффоны, эберманы, троглодиты – шушера, особенно днем и на открытом месте, но по ночам и в лесу они опасны. Так что...

– Ясно. Что в заглавнике контрразведки имеется по «Всевластию»? – Треш улыбнулся, заметив усмешку старика.

– «Всевластие»? Вот как раз об этих гавриках я ничего не знаю к моему великому стыду. Альянс, клан, общество масонов из бывших олигархов, партбоссов, чиновников, административных шишек и звезд эстрады. Где они, для чего они, во что одеты и чем питаются, я не ведаю. Но что крепнут с каждым божьим днем и влияют каким-то образом на Падь, чувствуется сильно. И чудится мне, скоро заявят о себе во всеуслышание! Эх-х.

Гур еще около получаса рассказывал сталкеру о наиболее безопасных путях в Пади, возможных ловушках и опасностях, передавал коды связи в случае непредвиденных. Когда болото затихло, а в горле вновь пересохло, старик сухо закончил монолог и призвал собеседника ко сну.

– Завтра... ан нет, уже сегодня нам рано вставать, обоим долго и далеко идти. Путь будет опасным и тяжелым, поэтому давай-ка баиньки, молодой человек! Я проверю периметр острова, ты ложись, спи. И спи спокойно, Данила-мастер! Все будет хорошо.

– Гур, а что там про песчинку, способную убить человека? Как одна песчинка может справиться, например, со мной? – промямлил уже в полусне Треш, залегший в позе эмбриона на разостланном камыше.

– А-а, запомнил же! – улыбнулся Гур, прибирая остатки еды и незамысловатую утварь в суму. – Пуля – дура, но иногда и сам человек дурак. А был мотоциклист один, к примеру, Вася Пупкин. Мчался он на своем спортивном двухколесном коне кэмэ так на двухстах, да не вовремя стекло шлема приоткрыл. А песчинка на такой скорости, попав в глаз, может пробить и глаз, и мозг. Не пробила. Но байкер дернулся от боли и не справился с управлением. Его долго потом собирали по обочине. Вот так, сынок, бывает в жизни! Мелочь, а большие дела делаются. И ты в этом мире – песчинка, но должен и можешь сделать многое и важное. И я вижу... что сделаешь...

Трешу спалось хорошо и даже уютно. Со спины грел улегшийся рядом старик, перед лицом горел негасимый костер. Настой из трав одурманил и унес в мир грез и сладких видений. Шнур, пропитанный репеллентом, отпугивал всех букашек, даже размером с кулак, а артефакт «чакра» в сумке знахаря отгонял всех остальных обитателей Куцега болота. И снилась молодому сталкеру яркая песчинка, летящая искрой во тьме над грешной безликой Землей. Летела она ровно, прямо, целеустремленно и уверенно...

* * *

Утром встали на удивление бодрыми, позавтракали запасами старика, смотали шнур, забрали детали сломанного ружья покойного Упса и побрели с острова по темной дорожке на восток. «Изоплит» сохранил твердый и безопасный путь из сердца болота на берег, путники удачно выбрались на сушу и уже там, расставаясь, даже обнялись.

– Гур, ты не бывший генерал. Ты настоящий! Спасибо за жизненный урок, за компанию, за долгожданную и нужную информацию об отце, наводку и, самое главное, за веру в успешный поиск.

– Бывай, сынок. Найди отца, – старик посмотрел прямо в глаза Треша, чистые и ясные, – и если не доведется мне пожать ему руку и самому просить прощения за все его невзгоды, то передай ему мои извинения. Что отправил его и группу разведчиков в полную... гм... потерял и заставил страдать. А теперь беги, парень. Живы будем – не помрем!

Они попрощались, чтобы когда-нибудь снова встретиться. Они уже оставили след в сердцах друг друга, и каждый отправился своим путем, долгим и трудным.

И Треш побежал. Снова в мрачный холодный лес, через колючки, овраги и бурелом, цепляющиеся корни и жгучие лужи, мимо злых глаз и острых клыков – в сторону города Оружейников, туда, где жили люди, где находились запасы провианта и, самое главное, где можно было хорошо вооружиться.

Глава 4

Тревожный шелест листьев, гудение ветра в трубах и треск недалекой аномалии «плазма» заглушали говор десятка человек, рассеявшихся кружком, в центре которого пылал костер. За спинами собравшихся высились серые бетонные стены двухуровневых капитальных гаражей. Ржавая табличка с названием кооператива «Тула-2» висела на одном болте, заставляя невольно склонять голову, чтобы прочитать плохо различимые буквы. Иногда от порывов ветра пламя сбивалось и оранжевым языком лизало старый потрескавшийся асфальт, норовя задеть ноги сидящих. Пыль, не зная куда деться в этом закрытом пространстве, металась между двумя блоками гаражей. Люди жмурились и вертели головами, пытались укрыть бледные озабоченные лица от этой вездесущей пыли и дыма костра. Однако их волнение и испуг объяснялись иными причинами, о чем свидетельствовали и резкие нервные реплики собравшихся.

Изучая их и прислушиваясь к дискуссии у костра, Треш выгнулся дугой и заерзал, пытаясь чуть размять онемевшие конечности. Пошевелил пальцами связанных рук, подвигал скованными ногами. Еще час-другой, и затекшее тело с застоявшейся в сосудах кровью точно хватит паралич. Мда-а, участь пленного, может, и чем-то получше судьбы покойничка, но тоже незавидная. Да еще в лапах у этих бродяг, горячо обсуждавших свое тяжелое положение, а, значит, и его, Треша, судьбу. Он в пятый раз осмотрел гаражи. Ему по молодости как-то пришлось побывать в СИЗО, среди различного уголовного отребья. Вот и сейчас обстановка напоминала ту, десятилетней давности: такие же серые обшарпанные стены, злые и совсем не интеллигентные физиономии, мат и безысходность заключенного. «Точняк, застенки! Хреново. И угораздило же справиться большую нужду в готовой ловушке... Блин, да еще и оружие из рук выпустил, увлеченный своими физиологическими потребностями. Ладно, хоть успел доделать задуманное. Там и взяли «тепленького», с почти голым задом. Позорище... Опытный следопыт, называется. Сталкер хренов. Соратники по промыслу узнают – засмеют и зачморят. Не-е, не узнают. Надо срочно брать в свои руки всю эту лабуду, иначе сгину вместе с этими бандерлогами».

Треш снова прислушался к разговору бродяг, но отвел от них взгляд, будто изучая унылые местные пейзажи. А последние действительно не радовали взор. Два высоченных гаражных блока, опутанных поверху «егозой», параллельно друг другу протянулись вдаль метров на триста. Далее этот бетонный коридор делал поворот направо и уходил дальше еще на такое же расстояние. Это сталкер запомнил, когда его волокли от будки охранника, послужившей импровизированным туалетом и одновременно местом пленения. Всю верхнюю левую сторону за двухуровневыми гаражами и частично над ними заняли разросшиеся дебри бывших посадок.

Треш вздохнул, рассматривая две раскачивающиеся на ветру ветви-лианы, перебравшиеся через гаражи и свисающие на этой стороне. Огромными черно-зелеными удавами они переплелись и изогнулись в немыслимый узор, словно затаившиеся хищники, ожидающие жертву. Заросли за кооперативом поскрипывали, гудели, даже в солнечный день там царил полумрак. Растения будто стремились показать, что они куда мощнее неудавшихся «царей природы».

Однако все окружающее – растения, мутанты, аномалии и злые бродяги, спорившие рядом, – не шло сейчас ни в какое сравнение с другой бедой, объявившейся час назад у подножия холма с пятидесятиметровой стелой воинам-освободителям Великой Отечественной войны в виде трех штыков, устремленных ввысь. Опасность была явной и реальной – вояки одной из главных и сильных группировок Пади. И не просто вояки! После долгого и изнурительного преследования отряд Боцмана загнали сюда бойцы спецподразделения «Бета». Командовал ими Шершень – капитан бывшей мотострелковой части под Самарой. После Судного дня и последовавшей за ним гибели войсковой части № 5063 ему удалось выжить и возглавить горстку солдат на левом берегу Волги.

Когда великая река усохла, а старый теплоход «Куйбышев», ставший пристанищем для оставшихся военных, не смог больше ходить по мелкой акватории, Шершень повел подчиненных на юг, искать другую базу. В степях Оренбуржья они влились в Армию Спасения, собиравшую силы для борьбы со все набирающим обороты хаосом. Дальнейшие действия в течение нескольких лет не принесли успеха, уменьшив войска до размера батальона. Это была уже не Армия, а небольшое воинское подразделение из уцелевших, а потому закаленных и опытных солдат. Шершню за его лидерские и стратегические способности дали подходящий позывной и взвод лучших бойцов. Среди них оказались и ветераны, проливавшие с капитаном кровь и пот еще в первый год после Катаклизма.

В обязанности «Беты» входила охрана конвоев Армии Спасения, караванов торговцев, лояльных к военным и состоявших с ними в договорных обязательствах, а также частые продолжительные вылазки в рейды вокруг Пади – сбор информации, разведка боем, ликвидация враждебных группировок и перехват ценных грузов. Последним военные не безговали заниматься. Безнаказанность и стремление к выживанию любой ценой привели к тому, что Шершень со своими бойцами выполнял большей частью отнюдь не благотворительные задания: на счет «Беты» за последний год легли многочисленные жертвы карательных операций, захват заложников, складов недалеких поселений и откровенный грабеж караванов, следующих из Южных Земель и Черноморья в Падь.

Бродяг клана Боцмана из Уральского форта, промышлявших в брошенных городах мародерством и поиском артефактов, спецы Шершня выслеживали три дня, затем сутки гнали на запад и в итоге настигли у разрушенного Катаклизмом города Оружейников. Обложив оставшуюся в живых группу со всех сторон, для соблюдения приличий предложили сдаться. Но люди Боцмана уже знали цену плена у вояк «Беты» – расстрел, причем после позорных издевательств и пыток, и сдаваться отказались. В ходе завязавшегося неравного боя группировка бродяг понесла невосполнимые потери и загнала себя в капкан возле гаражей у подножия известного памятника. По пути подобрали странного одиночку в изрядно поношенной экипировке, назвавшегося непривычно и коротко – Треш. Намяв ему бока и тем самым слегка отведя душу, беглецы обобрали его, связали и теперь держали возле себя. Зачем? Боцман не знал, но интуиция подсказывала опытному бродяге, что пленный еще сгодится. И он не ошибся.

Сталкер, разглядывающий убогие окрестности, размышлял, перебирая в уме способы своего освобождения или побега, и не сразу понял, что его окликнули.

– Эй, ты! Да-да, ты, – начал было злиться один из мужиков, показывая заскорузлым, желтым от курева пальцем на пленника.

– Треш я, – сухо констатировал лежащий и сплюнул на старый, раскрошившийся асфальт.

– Ах ты, сволота! Я ща шкуру с тебя спущу! – воскликнул все тот же мужик в натянутой на лысину пилотке, одетый в теплую безрукавку на меху и короткие рваные штаны, из которых кое-где вываливалась пожелтевшая вата.

– Апанас, уймись, – строго сказал Боцман и серьезно посмотрел на сталкера: – Чего задумался, шпиен? Как отседова сбежать и своим наводку дать? А, малый?

– Слышь, старшой, я сто раз говорил и говорю опять – я не вояка и не из тех карателей, что вас сюда загнали и собираются надрать вам жопы. Да, я бы с удовольствием свалил и даже собираюсь это сделать. Но гуманно и по чесноку.

Бандиты переглянулись, заворчали, привычный мат и угрозы снова огласили закуток гаражей. Даже стоявший «на часах» парень обернулся и опустил бинокль. Один из бродяг встал с автомобильной крыши, число которых на задворках перевалило далеко за сотню, и взялся за двустволку:

– Ну, звездец! Я ща кишки-то ему выну, говорливому...

Его жестом остановил Боцман, уставившийся на пленника с неподдельным интересом и некоторым удивлением. Он вынул изо рта соломинку и, слегка улыбнувшись, произнес:

– Да ты че? И давно стал таким смелым и умным?

– С рождения. Ты, Боцман, только по одежке встречаешь? Давай напрямки, – сталкер прищурился, пробежался беглым взглядом по недоуменным грязным, небритым, лоснящимся от пота физиономиям сидящих и остановился на атамане, – сейчас ты меня освободишь!

– Не борзей, малый! – оборвал его Боцман, резко переломив между пальцами соломинку, которой до этого ковырялся в редких крупных зубах.

– Потерпи, старшой. И вы, мужики, охолонитесь, – продолжил Треш, заняв более удобную позу и уже не чувствуя затекших ног, – я слушал, слушал вас и хренею с ваших дебатов...

– С кого он там охреневает? – зло пробурчал самый нагловатый из бродяг.

– Апанас, едрить тебя в ухо! Заткнись. Дай сказать этому гаврику. Всем, я думаю, будет весело послушать. Говори, малый!

Треш недовольно сморщился, сплюнул в сторонку и снова заговорил:

– Мужики, вы носились по лесу и степям неделю, потеряли друзей-товарищей, сидите тут, поникшие духом, голодные, уставшие, злые и почти безоружные. И при этом сетуете на вшивую жизнь, черную судьбинушку, незавидное положение и нелепые способы выхода из бедственной ситуации. Языками молотите, а шансов на выживание ни черта не увеличилось. Как лошары, ей-богу!

– Он совсем охренел, чмо?! – гаркнул Апанас, вцепив правым кулаком в ладонь левой руки.

– Апанас! – сквозь зубы сурово процедил Боцман и добавил уже пленнику: – А ты, малый, следи за базаром, не борзей. Не в том ты положении, чтобы острить! А то вояки скоро нас всех тут положат, но ты уйдешь вперед ногами на встречу с Косой гораздо раньше присутствующих...

– Понял. Сорри, братва. – Треш вздохнул и поморщился, попытавшись пошевелить ногами. – Я к чему все это. Из любого положения всегда есть выход. Всегда! Только мозгами надо пораскинуть хорошенько и извилины напрячь. За небольшую благодарность я поведаю, что можно сделать в этой сраной ситуации. Развяжите меня, и поговорим нормально, по-деловому.

Апанас ехидно хохотнул, хватаясь за рукоятку ножа, а Боцман, усмехнувшись, отвернулся и, теряя интерес к пленнику, равнодушно бросил:

– Ха, с этого бы и начинал. Че нам тут втирать начал? Ежу ясно, ради чего форточку свою расхабарил!

– Не-е, я, верняк, ща замочу эту сороку! – вскочил Апанас, багровея в лице и скрежеща зубами.

– Да погодите вы... – настала пора негодовать сталкеру. – Неужели не понимаете, что обречены здесь на погибель? А я предлагаю спасение! Вы жить хотите? Еще благодарить будете!

Все разом уставились на разгоряченного парня. Даже Боцман, нахмуривший свой загорелый лоб с седыми бровями. Пожилой, всегда серьезный, рассудительный, со щеткой пепельных усов под округлым носом, в расстегнутой фуфайке, обнажающей застиранный тельник с когда-то черными полосками. Явно бывший моряк. Он один в компании внушал Трешу доверие.

– Какую ты там благодарность выдумал? За что?! Освобождение из плена? Ты наш заложник, и мы решим, как подороже продать или обменять тебя. Да вон хоть этим воякам предложим.

– Боцман, развяжи меня, кровь уже в жилах сохнет. Я просить больше не буду, не люблю этого. А благодарность... так возьмите мой хабар в рюкзаке и часть оружия. Нож оставьте и...

– Чувак, твой борзомер, смотрю, ва-аще зашкалил. Какой хабар ты нам втюхиваешь? Он и так весь наш! И спрашивать никто не будет. Ха! Да и невелико твое богатство. Че так мало надывал? – снова проявил себя Апанас.

Треш на миг прикрыл глаза. Мда-а, действительно, смешно и глупо вышло с предложением о благодарности своим хабаром. С ним давно уже можно попрощаться. Хабар ушел в закрома бродяг. Жаль. Скудный паек, белье, моток веревки, войлочный коврик, штык-нож от АК-74, выдавшая виды «Сайга», которую ему отдал Гур, дабы не компрометировать себя в крепости. Вот «Вал» с дюжиной патронов был особой драгоценностью. А ведь в рюкзаке еще лежали и другие плюшки: спички, десяток самодельных картечных патронов, артефакт «изоплит», но, самое главное, карта. Топографическая, километровка, с пометками и маршрутами, постоянно обновляемая. Ее сталкер отдать никак не мог. Как и свою жизнь.

– Э, мужики, вы слушать умеете? А если я скажу, что выход отсюда есть и выбраться нам всем реально?

– Хорошо. Говори, малый. – Боцман устало прикрыл глаза. Он и сам не мог понять, отчего симпатизировал этому молодому и нагловатому неудачнику, так глупо попавшемуся в руки группировки бродяг. – Но помни об одном – если гонишь, то Апанаса я сдерживать больше не буду.

Бродяга с украинским именем хмыкнул и криво улыбнулся пленнику. Боцман насупился и буквально прожег Треша пристальным и сосредоточенным взглядом. Недалеко раздался одиночный выстрел. «Калаш». Видать, бетовцы отпугнули какого-нибудь мутанта обратно в лес. Странно, чего выжидают, почему не атакуют? Хотя передышка сейчас на руку.

– Сражаться будем.

– Че-е?

– Я говорю, примем бой, дадим отпор воякам, – громче сказал сталкер, чувствуя, как внутри все сжалось.

Апанас хмыкнул и взглянул на старшего. Боцман терпеливо молчал, ожидая от пленника дальнейшей информации. Его зацепила уверенность этого парня в выцветшей бандане, толстой кожаной куртке и убитых в хлам мокасынах. И вдруг бродяга понял, что привлекло его внимание! Не внешний вид и даже не слова – глаза. Внимательные и умные, взгляд не по годам пронизательный.

– Да ты че-е? А мы туточки и не знали, что можно вломить им по самое «не хочу»! – снова съязвил Апанас, сплевывая под ноги.

– Кем и чем мы дадим бой, малый? – проговорил Боцман, не сводя глаз со сталкера. – Нас всего десяток, причем двое раненых. Оружия – кот наплакал, дробовики да пукалки. Маслин нема. Броников тоже. Ни гранат, ни РПГ. Кирпичами вон с той кучи кидаться, что ли?

– И кирпичами тоже, – твердо и действительно уверенно ответил Треш и, не дав разразиться брани и угрозам, добавил: – Боцман, мы сделаем их! У нас все для этого имеется. Мы используем подручные средства, силу аномалий и наши мозги. Нам не нужны автоматы и РПГ. И без броников обойдемся. Что делает в предсмертной агонии загнанный крысолов? Он сражается. Не отворачивается, не скулит, не сдается. Он рвет!

Бродяги переглянулись. Треш увидел и почувствовал, как в него впились изучающие взгляды. Сейчас эти люди ловили каждое слово, взвешивая и обдумывая его. Боцман ожил, заметил, что часовой отвлекся, цыкнул на него, жестом показав, чтобы тот глядел в оба, и приказал Апанасу развязать пленника.

– Атаман! – Бродяга надул губы и развел руки.

– Развяжи, я сказал. И ласково.

– По-о-нял. – Апанас неохотно выполнил распоряжение, недобро зыркнув на сталкера.

– Как, ты говоришь, тебя кличут? – нахмурил лоб Боцман, потирая мочку уха под шерстяной кепкой.

– Треш, – сказал сталкер и про себя отметил: «Ну вот, это уже победа».

Он стал разминать конечности, на время скривился от боли в мышцах и суставах, а затем продолжил разговор:

– Времени у нас мало. Буду предельно краток: нас не десяток, а двенадцать человек, есть же еще вон тот парень в дозоре и я. Целая дюжина матерых и опытных бойцов. Раненые? Не нужно держать про запас дорогой артефакт, при этом потеряв надежду на спасение. Срочно дайте мой «изоплит» вот этому, с переломанными ребрами. Вправить их невозможно, а вот артефакт махом все сделает, укрепит кости. Только держите его, а то устроит тут бучу.

– Да знаем, – буркнул один из бродяг в синей безрукавке.

– *Мой «изоплит»?! Он давно уже не твой, – съязвил Апанас.*

– Респект тебе, малый! – Боцман сделал знак товарищу слева, и тот занялся лечением. Лежащий на куске рубероида раненый уловил взгляд Треша, благодарно кивнул ему. Сталкер продолжил:

– Этого, с пулевым в ногу, посадим снайпером. Стрелять умеешь?

– А то. Все, кажись, тут умеют, – отозвался сидящий на пустой канистре бродяга, нога которого выше окровавленной штанины была обмотана скотчем. – Захар я. Гуляшом кличут.

– Гуляш, не Гуляш, а придется стать снайпером. Боцман, ему надо дать лучшее из того оружия, что у вас есть. Нарезное. Иначе противника отсюда не достать. Водрузим Гуляша на крышу, сделаем баррикаду и будем снимать их ключевых бойцов. Гуляш, на тебе их офицеры, снайперы, пулеметчик и стрелки с РПГ. Возможно, будет огнеметчик. Его тоже в расход. Понял?

– Ого, – бродяга, раненный этим утром карателями, побледнел и стал озираться вокруг, – ни хрена себе расклад!

– Ничего, справишься. Поможем. Так. Ваш арсенал я уже изучил, не ахти какой, но дать отпор спецам «Беты» сможем. Мой «Вал». Три ружья. Карабин. Две винтовки. Обрез. Три пистолета. Что? Четыре? Хорошо. Арбалет. Лук и стрелы. Одна граната. Ножи, дубины. Топор. Все? Ясно. Партизанский отряд, ептеть! Лады. Покатит. С такими рожами и снарягой можно всю Падь крышевать. А, мужики?

Отряд заулыбался и немного воодушевился. Треш поймал серьезный взгляд Боцмана, сглотнул слюну, продолжая растирать икроножные мышцы, и попросил:

– Глоток воды можно? Совсем пусто в баках...

Ему протянули фляжку. С питьем в отряде было туго, поэтому сталкер сделал только один глоток. Поблагодарил. С трудом поднялся на ноги. Бегло осмотрелся. Апанас большим пальцем незаметно сдвинул флажок предохранителя. Ружье лежало на коленях стволами в сторону пленника. На всякий случай.

– Используем все, что найдем. Времени в обрез. Чую, до ночи вояки начнут штурм. Им нет резона давать шанс загнанным бродягам воспользоваться темнотой. Итак. Что у нас с рекогносцировкой местности? Двухэтажные гаражи. Капитальные. Блоки тянутся на восток, к подножию «Трех штыков». Значит, на закате солнце окажется на западе, у нас за спинами, следовательно, слепить будет врага. И это очередной наш козырь.

– Ну и козырь! Атас. Лучше бы пару стволов нормальных да гранат, – печально скривился Апанас.

– Ясен перец, лучше. Будут тебе, Апанас, стволы и броники. Трофейные. И это в твоих и наших силах. От того, как быстро, четко и слаженно мы будем действовать, зависят исход боя и продолжительность наших жизней. А на долгую битву мы не потянем. Значит, не давать им времени ни на что – ни перезаряжаться, ни командовать, ни думать о чем-либо. Даже глоток воды чтоб не могли сделать. Придется ежеминутно менять позиции, сменять напарника. Да, все мы будем работать в парах, чтобы успеть сделать перезарядку, помочь в случае ранения, скорректировать огонь и связь, прикрыть тыл. И прошу вас всех, мужики, сделайте сейчас вид, что меня сто лет знаете. Я с вами до конца пойду. У меня сейчас иного пути нет. У нас всех одна задача – выжить и победить! Это-то хоть ясно?

Закивали. Боцман утвердительно моргнул. Треш потрогал ржавую дверь ближайшего гаража, легонько постучал по листу железа. Повернулся к бродягам. Мужик с диковинным артефактом на груди застонал и выгнулся дугой, чуть не встав на «мостик». Сидевшие рядом удержали бедолагу, моментально вспотев от усилий.

Треш прищурился, всматриваясь вдаль и лихорадочно корректируя в голове план действий, хотя давно все продумал, лежа связанным на асфальте. Глядел туда, где на выходе из этой бетонной кишки затычкой засели спецы «Беты». Конфуций был прав. «Время – вода». Оно утекало с каждой минутой.

– Так, – сталкер обратился к терпеливо молчавшим бродягам, – мужики, устроим этим боевикам войну, которой они от нас не ожидают. Не знаю, чем уж вы провинились перед ними, но я с вами, и отпор мы им дадим решительный. Связь за неимением какой-либо другой только жестами и знаками. Все патроны с картечью и жаканами отдать двум самым метким стрелкам. Дробовые разобрать, дробь прокапать смолой и увязать в тряпочки. Компактно, туго, аккуратно. Этим мы увеличим дальность полета заряда и его убойную силу. Монолитный сгусток при попадании рвет не слабее разрывной пули. И никаких увлечений и геройства. Выстрел – один и наверняка, затем смена позиции, иначе пуля в лоб от их снайперов обеспечена. И выдерживайте дистанцию поражения – тридцать-тридцать пять метров, не больше. Так. Второй момент. Никакой суеты, гвалта, толкотни. Больше двух не собираться, иначе с РПГ жажнут. Им чем кучнее цель, тем менее жалко тратить выстрелы гранатометов. Ясно? Дальше. Боцман, нужны четверо крепких взломщиков. Найдите кувалды, ломы, багры. Сбивайте замки с гаражей. Желательно со всех. Ворота настежь, створки соединить с соседними – будет хорошая защита от огня бетовцев.

Треш потер переносицу, пытаясь сконцентрировать внимание на чем-то важном и боясь упустить даже мелкие детали. Бродяги замерли и ждали его дальнейших команд.

– Так. Теперь дальше. Оглянитесь вокруг. Что вы видите? Только внимательней.

– Гаражи, лес дремучий за левым блоком, куча кирпичей, небо, – первым отозвался Апанас.

– Негусто. Еще что?

– А че ты лыбишься? Это подкол какой-то? Че, пацанов надыбал?

– Апанас, успокойся. Я вполне серьезно. Ну и?

– Аномалии вижу, – сообщил пухловатый бродяга в выцветшей гимнастерке и «разгрузке» поверх нее, – три штуки.

– Молорик. Уже лучше. Где, какие?

– «Гарь» вон, на крыше блока, у разросшейся кроны дуба. А внизу, почти под ней, «плазма», нехилая такая. И еще «гравиполе» за нами, в конце всего этого тоннеля.

– О-о, ваще красава! – похвалил Треш мужика. – Тебя как величать, глазастый?

– Пумба я.

– А этот парень рядом с тобой, видать, Тимон? – улыбнулся сталкер, кивнув на худого бродягу в жилетке поверх футболки цвета хаки.

– Друган мой, Димон. А че, знаешь его?

– Нет. Но, считай, угадал. – Треш едва скрыл ухмылку. – Насчет аномалок. «Гарь» не даст воякам пробраться поверху. «Плазма» блином перекрыла половину прохода между блоками. Тоже препятствие для атакующих. «Гравиполе» в нашем тылу – это, конечно, плохо тем, что не свалить нам ночью, но и плюс имеется – сзади никто не обойдет. Вон как надежно закупила нам выход!

– Да уж. Заткнула так, что как в крысоловке мы тут, – пробурчал Апанас.

– Ничего. Итак, «плазма». Ею-то мы и воспользуемся против врага и на благо себе.

– Как это? Ты че, паря, с катушек съехал?

– Апанас, уймись, е-пэ-рэ-сэ-тэ! – бросил Боцман. – Продолжай, малый.

«Ого. Мне еще один плюс», – подумал сталкер и уже вслух озвучил:

– Если нам первыми активировать ее со своей стороны, то «плазма» станет грозным оружием и отличной помощницей. Удивлены? Вижу. Сейчас Димон сгоняет, бросит в нее камушек, и аномалия станет нашей. С этого момента все предметы, попадающие в нее с нашей стороны, будут обращаться в раскаленные заряды и с большей силой полетят дальше. А с той стороны в нас уже никоим образом ничего не прилетит. «Плазма» – штука однобокая, с одной стороны активная, с другой мертвая. Вояк она не пустит к нам и пули их остановит, а от нас все через свой плазменный гравитускоритель выплюнет в противника. Показать или уразумели?

– Ха! Точно, паря! А ведь хорошо придумал, – щелкнул пальцами Апанас, одобрительно кивнув.

– Мда-а, а ведь верно, Боцман. Полезная штуковина в хороших руках! – согласился Пумба.

– Ага, – ответил атаман, не отрывая взгляда от сталкера. – Поставил одного чела перед ней с любым оружием, так каждый выстрел сквозь аномалку станет для вояка бедой. Даже картечина будет убийной. Ну, неплохо, Треш, неплохо! Что еще на уме?

– Зачем картечь? Она для стрелков больше сгодится. Мы используем простое, но не менее смертельное оружие. Рогатки и пращи.

– Кого-о? – опять выпал Апанас, но, уловив недовольный взгляд старшего, осекся. – Рогатки? Ты точно издеваешься над нами...

– Едрить твою налево, Апанас! Смотри сюда. – Треш сплюнул себе под ноги, от негодования сжал кулаки, затем поднял камушек и с силой бросил его в ворота гаража. Тот разлетелся, подняв облачко пыли. Он посмотрел на людей, остановил взгляд на выскочке-бродяге. – Видели? Из самодельной рогатки полетит быстрее и дальше. А сквозь «плазму» и вовсе станет раскаленной пулей. Только успевай точнее целиться и пулять в противника, остальное аномалия сделает. Причем все годится для этого: камни, гайки, шурупы, болты, окалина. Ясно? Только не торопитесь, а то вояки заметят, раньше времени смекнут, раскусят нас. А нам нужны трофеи. И их мы добудем именно этим путем. Так. Димон, подорвись, сгоняй, будь другом, активируй «плазму». Только снайперу их на мушку не попадись и сделай все незаметно.

Бродяга взглянул на атамана, тот махнул рукой. И Димон тут же кинулся выполнять поручение бывшего пленного, а сейчас помощника и товарища по оружию.

– Чем еще удивишь, умелец? – с улыбкой и нескрываемым интересом спросил Боцман. Он встал, прошелся до угла бетонного кармана, выглянул поверх часового, осмотрел местность.

– Еще нужно подготовить гранаты. Найти и собрать бочки, колеса и все то, что может катиться. Из кузовов автомобилей и прочего хлама сделать баррикады. В шахматном порядке их поставим. Видите уклон в сторону противника? Градусов семь будет. Значит все, что может катиться, мы используем в качестве оружия. Пропустим через «плазму» колесо, и оно горящим тараном станет. Гранаты сделаем из того, что обычно хранится в гаражах – собираем гвозди, шурупы, битое стекло, проволока, жестяные и пластиковые банки, бутылки. Еще пригодятся горюче-смазочные материалы, смола, клей, кислоты и щелочи, ваши артефакты, дымовые шашки, инструмент, стройматериалы. У нас на самом деле столько оружия, что можно смолотить всю Армию. Ну, в смысле... всю ее худшую часть. Все же преувеличивать свои силы не стоит. Мы точно не Ильи Муромцы.

– Треш, Треш... Кто ты, парень? Откуда такой будешь? А, малый? – восхищенно спросил Боцман, подойдя почти вплотную к сталкеру и изучая его лицо из-под прикрытых век.

– Сейчас это неважно, Боцман. Но одно могу сказать – ты доверяй мне, я уж не оплошаю. Слово даю.

– Чье слово? Так ты назовись. Я должен знать, кому вверяю себя и жизни своих людей.

– Треш я. Вольный сталкер и следопыт из Западного форта. Бывший спортсмен.

- Ого! Сильно звучит. И похоже на правду. Как ты так попался-то нам?
- Минус мне. Расслабился. Думал, один здесь. Хреново вышло.
- Да уж. Значит, минусы все же бывают. Ну, смотри, чтобы теперь не сминусовал, иначе знаешь, какая цена будет такой расслабухе.
- Знаю, Бецман. Ну что, за дело? Времени в обрез. Командуй.
- Лады. И ты давай в тему. Скажу шас своим.

Атаман повернулся к товарищам и отдал несколько распоряжений. Пояснил, что Треш теперь их союзник – до уровня брата не дотягивает, а посему на испытании. Бродяги вскочили, приветствуя нового ополченца, и стали готовиться к сражению.

День клонился к концу, лес шумел, чуя скорые сумерки и близкую добычу, а люди расторопно выполняли поручения теперь уже двух командиров. Удирающие до этого от вояк и, казалось бы, обреченные на скорую смерть бродяги готовились к войне и вдруг почему-то поверили, что обязательно победят.

За час место предстоящей обороны существенно изменилось. Поперек межблочного проезда выросли баррикады из автомобилей, ящиков, стальной арматуры, стройматериалов и прочего хлама, найденного в давно позабытых, брошенных хозяевами гаражах. Вскрыть их удалось почти все. Отряд ликовал и радостно приветствовал очередные находки. Попадались поистине дорогие и важные для боя и вообще для жизни после Судного дня предметы: бытовые электроприборы и кухонная утварь, сельхозорудия, слесарные и плотницкие инструменты, консервированные продукты, остатки ГСМ и прочее. Конечно, многое находилось в плачевном состоянии, старое и негодное, но все-таки приятное взору и осязанию. Истосковавшие по былой жизни и погибшей цивилизации мужики, вздыхая, бережно перебирали находки и делились впечатлениями. Апанас даже нашел «черный ящик» от самолета – обшарпанный оранжевый полукруглый прибор-самописец, видимо, «прихватизированный» пилотом при уходе на пенсию. Треш обнаружил подводное ружье с рваными резинками, а также баллоны от акваланга и маску. Радости не было предела, ведь он в юности кроме биатлона занимался и дайвингом, облазив с друзьями Байкал, Онегу и Азов.

Распахнутые ворота гаражей, куча бочек и колес, банок и битого стекла, инструмент, стопки кирпичей и другие стройматериалы забили межблочное пространство вдоль и поперек, создавая иллюзию грандиозного субботника в кооперативе.

Вояки, смекнув, что бродяги готовятся к обороне, попытались помешать им, бросив тройку бойцов в атаку. Но они недооценили противника. Пулеметчика мгновенно снял Гуляш из карабина, попав пулей калибра семь шестьдесят два точно между воротом кевларового бронежилета и стальным шлемом. А град кирпичей и пара самодельных взрывпакетов, брошенных из-за укрытий, отпугнули остальных смельчаков. Моментально включилась группа быстрого реагирования бродяг, сформированная Трешем для колючих и молниеносных ударов по отступающему врагу и захвата трофеев: Димон, Пумба и Апанас. Бывалые бетовцы, понимая, что отщепенцам нельзя дарить такой хабар и вообще позволять высовываться, предприняли разведку боем и вторую быструю атаку, чтобы вернуть тело и оружие своего пулеметчика и понять замысел врага. На этот раз дымовая пашка, ловко брошенная бродягами, создала плотную завесу по фронту, а несколько горящих крышечек и бочек, несущихся с их позиций, ощутимо охладили пыл атакующих и их боевой настрой. Единственная граната ополченцев (бетовцы, конечно, не знали о точном их количестве) становила нападавших. В итоге тело убитого пулеметчика вместе с его амуницией перекочевало за баррикады, а бойцы Шершня ретировались обратно, оттаскивая двух раненых.

– Эка невидаль, у нашего вшивого планктона появился неплохой ствол! – громко сообщил Бурелом, замбой командира «Беты», в ответ на его тихий мат. – Они с РПК и стрелять-то не умеют, бомжи хреновы. Орехи колоть разве что. Гы-ы.

– Сам сморозил, сам и ржешь? – угрюмо проворчал сержант, друг погибшего пулеметчика. – Я за Олежку жопы рвать им, тварям, буду. Командир, разреши, а? Дай пару двоек ребят. Я им шас шухер там наведу, ептеть. Шкуры сниму с живых. Командир?

– Отставить, сержант. Хватит нам одного двухсотого и этих подранков. Спецы, мать вашу! В лобовую решили взять бродяг. Я всегда говорил и говорю – загнанный зверь страшнее двух на воле. А вы как на параде, мля! В полный рост, оравой, не спеша. Пантомимы... Так, – коренастый, среднего возраста, с загорелым мужественным лицом офицер пробежался беглым взглядом по кислым и злым физиономиям подчиненных, – Бурелом, возьми две двойки и тихо-тихо, аккуратно так, бочком вдоль блоков атакуй этих уродов во фронт. Как получишь сигнал Чандлера, ударишь их «Мухой» и «Шмелем»... гм... отставить РПО. Сгодится нам еще. Не фиг на этих шакалов тратить последний выстрел огнемета. Пары «Мух» хватит за глаза. И жхни хорошенько там, чтоб духу от них не осталось! А шкуры их гнилые, вшивые нам на хрен не нужны. Так. Чандлер, ты дуй наверх, ищи цель оттуда. Сними их главаря и одного из самых борзых и сразу дай отмашку Бурелому. Пусть крушит там все в задницу. Ясно?

– Есть.

– Командир, а я? – напомнил о себе сержант.

– Я, я... калмыцкая свинья! – передразнил того Шершень и смачно сплюнул под ноги. Культурой и тактичностью он никогда не блистал, а вот жестокости и злобы было хоть отбавляй.

– Возьми «Миними» и чеши на другой блок, справа. Оттуда прикроешь наших. И патроны эконошь. Всех это касается. Слышали? И так поизносились, похерили все, гоняясь за этой сволотой.

– Командир, дык... там же лес вплотную. И аномалка мерцает. Как я там? – возмутился было сержант, но, уколовшись о грозный взгляд офицера, отвернулся и вздохнул.

– Как, как. Об косяк, мля. Аккуратно и осторожно. Тебе вводную провести? Или инструкцию зачитать?

– Понял я. Есть, – пробурчал тот, отходя к остальным бойцам, рассевшимся вдоль гаражей.

Где-то на юге гроыхнула гроза. Шершень посмотрел на пока еще синее небо, о чем-то поразмыслил и отдал несколько распоряжений солдатам насчет предстоящего штурма. Где-то далеко снова треснула молния. Из-за высоких блоков гаражей ничего не было видно, но каждый из бойцов понял одно – противник будет сражаться, он настроен решительно, и закончить с ним нужно до темноты и до грозы.

РПК-203 по праву передали Трешу. Кроме занятий биатлоном со спортивной стрельбой ему не раз приходилось обращаться и с другим вооружением, а после Судного дня и начавшегося Хаоса его способности и навыки стали весьма востребованными. И хотя отдельные заказы и контракты приносили неплохой навар, позволив приобрести хижину в Западном форту и постоянный угол на Блошинке, но на хорошее оружие, амуницию и экипировку средств пока не хватало. И вот сейчас нате – ручной модернизированный пулемет знаменитого до Катаклизма конструктора Калашникова. М-м... Вещь. Только не для беготни на длинные дистанции. И не против отдельных аморальных личностей, типа кочевников или варваров. Для полного счастья к стволу нужны более кучные и защищенные цели. Желательно, в изрядном количестве.

Треш быстро, но тщательно осмотрел РПК, проверил его боеспособность и, закинув на плечо, довольно осклабился. Все вокруг уже осознали, что кроме этого чудаковатого, но, судя по всему, опытного бойца никто не справится с такой машинкой, поэтому одобрительно, без зависти, покивали, разобрали между собой остальные вещи пулеметчика, вплоть до обуви, и разошлись по «рабочим местам». Боцман перекинулся с Трешем несколькими фразами

насчет корректировки огня, мобилизации, рокировки сил и мыслей по поводу отбитых атак противника. А в завершение даже поблагодарил его. Просто, сухо, по-свойски.

– Принято, Боцман. Работаем дальше. – Треш улыбнулся уголками рта и стал помогать одному из бродяг катить бочку с остатками смолы.

Раненный в ногу стрелок следил за вражеской стороной, все остальные сустились между двумя высокими бесконечными блоками, потрошили гаражи, стаскивая к баррикадам все потенциальное оружие. В бою могло сгодиться все, что ранее перечислил Треш. И бродяги уже убедились в полезности его советов на деле. Даже Апанас иногда переговаривался с ним, консультируясь или шутя над их нечаянным знакомством. Треш, в очередной раз перетаскивая ящик с пустыми бутылками, обратил внимание на одного из ополченцев – мужика лет сорока в рваных джинсах, ботинках на шнуровке и синей толстовке. Последняя со сплошными швами и заплатками имела такой вид, будто в ней успели умереть уже трое неудачников. На грязной ткани виднелись очертания логотипа фирмы «Рита». Треш по-своему расценил название, решив пошутить:

– Эй, Рита, помоги.

– Охренел, братишка? – Бродяга обернулся и недовольно зыркнул на сталкера. – Я ж забуду, что ты наш амулет, и зубы могу проредить...

– Ого. Суров ты, как я погляжу. Лады, понял. С такими мужиками точно победим вояк. Как величать?

– Тебе зачем? Убьют меня – тебе пофигу, как я звался. А тебя замочат – так тем более.

– М-да, железная логика! – хмыкнул Треш, а про себя подумал: – «Извини, брат, тогда Ритой в моей памяти и останешься».

Вечерело. Крона гигантского дерева все так же шевелилась, словно ожидая случайную жертву. Ветерок нагонял прохладу и нес пыль от холма с памятником. «Три штыка» уже чернели постаментом, но еще радовали взор солнечными бликами на концах нержавейки. Багряный закат разлился по горизонту, окрасив гаражи в золотистый цвет, отчего они казались игрушечными кубиками «лего», а гигантская стела ожила и перестала выглядеть такой злобной. Ожилились и штурмовики, собирающиеся уничтожить беглецов в бетонной западне.

Бродяги, обычно выбирающие тактику быстрых ног и лесных засад, в этот раз объединились и решились дать открытый бой. Сейчас им жизненно необходимо было доказать воякам, что они тоже имеют право на существование и независимость в этом Мире. И все это не без помощи вольного сталкера с непонятным прозвищем Треш, таскающего тяжести, рискующего попасть под пулю снайпера-бетовца. Ему, безусловно, симпатизировали все.

О начале штурма известил с крыши высокого гаража Гуляш, выстреливший из СКС. Доложив о противнике, он пальнул еще раз и сразу перекатился в сторону, прячась за надежным укрытием из пары бревен, чугунной балки, ящика с песком и стальной трубы. Ополченцы мгновенно заняли заранее намеченные позиции, ожидая команды Треша – именно этот незнакомый парень мог сейчас помочь бродягам победить сильного и жестокого врага и дать им шанс на выживание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.